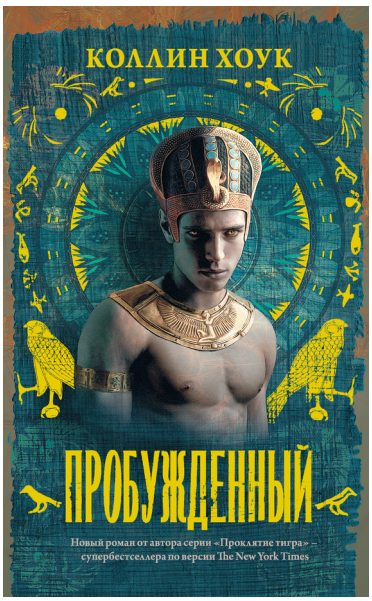
КОЛЛИН ХОУК
ПРОБУЖДЕННЫЙ
Новый роман от автора серии «Проклятие тигра» —
супербестселлера по версии The New York Times

Коллин Хоук

Пробужденный

«АСТ»
2015

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7 Сое)-44

Хоук К.

Пробужденный / К. Хоук — «АСТ», 2015 — (Пробужденный)

Кого ожидаешь – точнее, не ожидаешь – встретить в Музее Метрополитен прекрасным весенним утром? Потрясающей красоты юношу, принца из Древнего Египта, который пробудился от тысячелетнего сна. Принц Амон обладает магической силой и готов сразиться со своим извечным врагом, темным богом Сетом, который проник в современный мир. Семнадцатилетняя Лилиана Янг, кажется, тоже подверглась воздействию магии принца, потому что отправляется вслед за ним на землю его предков, в Египет, мистический и таинственный. Но, может быть, это вовсе не магия, а любовь, способная сокрушить самое древнее и мощное проклятие.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7 Сое)-44

© Хоук К., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть 1 6
Глава 1. Обитель муз 8
Глава 2. Странник в странной земле 14
Глава 3. Сердце сфинкса 20
Глава 4. Нерушимые узы 29
Глава 5. Пир в Новом царстве 35
Глава 6. Обнажая правду 45
Глава 7. Крылатые колесницы 57
Глава 8. Отрада глаз 60
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Коллин Хоук
Пробужденный

Colleen Houck
REAWAKENED

© 2015 by Colleen Houck
© Е. Фельдман, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Моему отцу Биллу, который покинул нас слишком рано

Когда моя приходит госпожа
И на поклон улыбкой отвечает,
Душа моя стремится к ней, дрожа,
И сердце в знак любви своей вручает.
И солнце замедляет шаг по кругу,
Когда мы с ней принадлежим друг другу.

Пускай цари завидуют, когда
Кольцо лилейных рук меня венчает
И поцелуи льются, как вода,
Что даже камень мягко источает.
Не нужно мне ни меда, ни вина,
Когда в моих объятиях она.

Вино любви. Древнеегипетская любовная песня

Часть 1

Воздух великой столицы Итжтави был напоен тяжестью и горечью – как и мысли людей, собравшихся в этот день под сводами храма. Но всех горше были думы царя Геру, и всех неподъемней – камень, лежавший на его сердце. Стоя за колонной, он сумрачным взглядом обводил встревоженных подданных. Принесет ли решение, подсказанное его жрецами, долгожданное избавление или станет началом медленного и мучительного конца?

Даже если боги примут их жертву, скорбь людей будет велика – а его собственную потерю ничто не восполнит.

В воздухе стояло жаркое марево, но царя била дрожь. Дурной знак. Наконец он в смятении провел рукой по гладко выбритой голове и опустил занавесь, из-за которой наблюдал за площадью перед храмом. Чтобы унять волнение, он принялся мерить шагами гладко полированные плиты террасы.

Царь знал: если он воспротивится названной жрецами жертве, им придется преподнести нечто столь же драгоценное, чтобы умилостивить грозного бога Сета – как будто его милость можно заслужить! Потому он собирался просить совета своего народа – риск, о котором не мог помыслить никто из его предков.

Слово царя нерушимо; его долг и право – знать нужды подданных лучше их самих, и тот царь, который не может в одиночку принять мудрое решение, недостоин трона. Обнажи свою слабость – и людская память назовет тебя глупцом и трусом. И все же сейчас Геру не видел другого выхода.

Двадцать лет назад на египетскую землю обрушилось проклятие. Годы беспощадной засухи сменились песчаными бурями и мором, который превратил некогда цветущие города в гигантские склепы. Мародеры и старые недруги подняли свои змеиные головы, воспользовавшись слабостью Египта. Земля умирала, деревни пустели на глазах.

Тогда царь Геру в отчаянии призвал правителей соседних городов – единственных выживших в чуме. Халфани, царь Асьюта, и Нассор, царь Васета, откликнулись на его зов, и они вместе с мудрейшими жрецами на семь дней скрылись за дверями дворца.

Решение, объявленное ими через неделю, должно было свершиться не на земле, а в небесах, и поколебать извечное равновесие в пантеоне богов. Каждому городу покровительствовало свое божество. Асьют, чьи маги были известны по всему Египту, поклонялся Анубису; жители Васета, славные ткачеством и судостроением, возводили храмы в честь Хонсу; а подданные царя Геру, искусные в гончарном деле и резьбе по камню, почитали Амона-Ра и его сына Гора. Теперь же трое царей собирались по совету священников отвергнуть покровительство прежних богов и восславить нового единого бога – темного Сета, который даровал бы их народу безопасность и процветание.

Так они и поступили.

В тот же год землю досыта напоили дожди. Полноводный Нил вышел из берегов, сделав пашни тучными и плодородными. Поголовье скота увеличилось втрое. Свитки писцов полнились именами новорожденных детей, над которыми словно не властны были болезни. Даже три царицы, втайне продолжавшие чтить старых богов, переменили свое мнение, когда тоже чудесным образом зачали наследников.

Не прошло и года, как все они подарили мужьям здоровых сыновей – включая жену царя Геру, чрево которой было бесплодней египетской пустыни, а дни молодости давно миновали. Исполненная благодарности, она поклялась, что больше не скажет худого слова о новом боге.

Народ ликовал.

Народ благоденствовал.

Трое царевичей, чье рождение ознаменовало наступление эпохи мира и процветания, росли, как братья, надеясь однажды объединить под своей властью весь Египет. Теперь его жители славили Сета, а ступени старых храмов заносило песком.

Юноши почитали каждого царя и царицу, как собственных отца и мать, и правители трех городов любили их, словно кровных сыновей, не делая между ними различий. Народ обожал царевичей, видя в них надежду на славное будущее, и ничто не могло разлучить названых братьев.

Теперь же в жизни их отцов наступил самый черный день, но трое юношей еще не знали об этом, в нетерпении ожидая их решения под сводами храма.

Трое царей собирались просить побратимов о жертве – жертве тяжкой, немыслимой, невозможной; жертве, о которой хороший отец никогда не попросил бы своего сына. Одна мысль об этом заставляла кровь царя Геру стыть в жилах и отравляла ночи кошмарными видениями, в которых его недостойное сердце не могло уравновесить перо правды, возложенное неподкупной Маат на вторую чашу весов.

Наконец цари шагнули из-за полога на крыльцо храма, нестерпимо блиставшее в лучах белоснежного солнца. Царь Геру остановился посередине; его соправители заняли места по бокам. Из них троих Геру был не только высочайшим, но и самым искусным в речах. Поэтому сейчас он вскинул руку, призывая подданных к молчанию, и звучно начал:

– Мой возлюбленный народ – и гости из городов-собратьев, приплывшие к нам из верховьев Нила! Жрецы узнали, отчего река, двадцать лет орошавшая наши берега, этой весной лишила нас своих щедрот. Бог Сет, которого мы чистосердечно чтили все эти годы, открыл свою волю верховному жрецу Рунигуре. Ему нужна новая жертва.

Сын Геру тут же сделал шаг вперед.

– Мы принесем Сету любую жертву, отец! – в волнении воскликнул он.

Царь предостерегающе поднял ладонь и одарил его печальной улыбкой, прежде чем снова повернуться к толпе.

– Но на этот раз Сет требует не лучшего быка, мешков с зерном, прекрасных тканей или урожая наших садов. – Геру помедлил, ожидая, когда всколыхнувший толпу ропот сменится напряженной тишиной. – Рунигура сказал, что все эти годы Сет одарял нас без меры и теперь хочет получить в благодарность то, что для нас дороже всего.

Геру глубоко вздохнул и прикрыл глаза, будто от внезапной боли.

– Сет требует трех юношей царской крови, которые будут принесены в жертву и отправятся вечно служить ему в загробном мире. Если мы не исполним его волю, Египет погибнет.

Глава 1. Обитель муз

– Пятнадцать пятьдесят, – с сильным акцентом проворчал водитель.

– Извините, вы принимаете карточки? – спросила я, стараясь быть вежливой.

– Не-а. Никаких карточек-шмарточек.

Я коротко улыбнулась глазам, глядевшим на меня из-под тяжело насупленных бровей в зеркале заднего вида, и послушно вытащила кошелек. Сколько ни езжу в нью-йоркских такси, никак не могу привыкнуть к грубости шоферов. Впрочем, альтернативой был семейный водитель, который по совместительству исполнял роль няньки и орлиным взором следил за каждым моим шагом, чтобы потом доложить родителям. Нет уж, лучше глоток свободы – пускай и с привкусом нью-йоркских кэбов.

Я сунула водителю двадцатку и открыла дверцу. Не успела я выбраться на тротуар, как он рванул с места, будто за ним гналась полиция. Мне стоило немалых трудов удержаться на ногах и не задохнуться в туче выхлопных газов, любезно оставленных им на прощание.

– Вот сволочь, – пробормотала я, кое-как разгладила подвернутые брюки и присела на корточки, поправляя ремешок кожаных итальянских сандалий.

– Вам помочь, мисс? – поинтересовался над ухом приятный молодой голос.

Я выпрямилась и окинула паренька оценивающим взглядом. Джинсы из универмага, футболка «Я ♥ Нью-Йорк», вид провинциального простачка… Нет, этот точно не местный. Ни один ньюйоркец не надел бы такую майку и под страхом смертной казни. Сам парень был симпатичным, но я прикинула, что в городе он явно недавно и без родительского благословения, и решила, что продолжение разговора будет пустой тратой времени. Не мой тип.

Какой тип *мой*, я еще не выяснила, но была уверена, что пойму это, как только его увижу.

– Спасибо, не нужно, – улыбнулась я. – Со мной все отлично.

И я размашистым шагом устремилась к ступеням Метрополитен-музея. Девчонки в школе наверняка сочли бы меня идиоткой, что я упустила симпатичного мальчика, потенциального бойфренда или хотя бы неплохой шанс поразвлечься. Однако я старалась не давать обещаний, которых не собиралась исполнять – особенно парням, не соответствующим моим представлениям об Идеальном Мужчине. Список требований был еще не закончен, но неуклонно пополнялся с тех самых пор, когда меня начали интересовать мальчики. Впрочем, я и без списка не стала бы бросаться в омут с головой.

Поймите меня правильно. Да, я разборчивая, ношу только дизайнерские шмотки и получаю столько карманных денег в месяц, сколько большинство моих сверстников не зарабатывают за год. Но я не сноб. Родители всегда возлагали на меня определенные ожидания, и деньги просто служили их зримым воплощением. Меня всю жизнь учили, что первое впечатление – самое верное. И сколько бы я ни пыталась найти опровержение этому правилу, общаясь с людьми в школе и за ее пределами, обычно оно подтверждалось.

Мой отец, успешный финансовый юрист, любил повторять: «Банкиры встречают по галстуку» – отсылка к понятно какой пословице. А для матери это было сродни заповеди: она целыми днями сидела на верхотуре гигантского небоскреба, принадлежащего крупнейшей в городе медиакомпании, и надиктовывала распоряжения личному секретарю. Они с отцом потрудились вбить мне в голову, что без приличного внешнего вида на серьезное отношение нечего и рассчитывать.

Большую часть времени я была предоставлена самой себе – постольку, поскольку оправдывала их ожидания. Что там в списке? Хорошо учиться, изображать любящую дочь, дружить только с одноклассницами из частной школы для девочек… И конечно, не встречаться с неправильными парнями. Ну, здесь родители могли не беспокоиться: парня у меня

не было вообще. Взамен я получала щедрые карманные деньги и свободу исследовать Нью-Йорк как мне угодно. Свободу, которой я была твердо намерена воспользоваться в первый день своих последних весенних каникул.

Метрополитен-музей всегда был одним из моих любимых убежищ. Не только потому, что родители одобряли такое времяпрепровождение – само по себе несомненный плюс, – но и потому, что это отличное место для наблюдения за людьми. Я до сих пор не решила, чем хочу заниматься в будущем, но выяснить мне это предстояло до конца каникул. Меня уже приняли в несколько университетов – разумеется, с высочайшего одобрения родителей. Мать и отец – в нашей семье не поощрялись телячьи нежности вроде «мамы» и «папы» – уже видели меня на каком-нибудь достойном поприще вроде медицины, бизнеса или политики. Только вот меня туда совсем не тянуло.

Что мне по-настоящему нравилось – так это изучать людей. Давно покинувших этот мир – как те, что запечатлены на полотнах Метрополитен-музея, – или своих современников, во множестве толкущихся на улицах Нью-Йорка. По правде говоря, у меня уже набрался блокнот зарисовок об интересных людях, встреченных там и тут.

Однако я не представляла, как превратить это странное хобби в работу и тем более «карьеру». Родители ни за что не позволили бы мне стать психологом или социальным работником. По их мнению, каждый человек способен сам позаботиться о своем душевном здоровье. А если он не может справиться с выпавшими на его долю невзгодами… Что ж, это его проблемы, верно? Для них водиться с неудачниками значило принижать себя – хотя если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы работу, связанную с помощью людям.

Проблема заключалась лишь в том, что о свободном выборе речи не шло. Стоило мне задуматься о будущем, как перед глазами вставали фигуры родителей, а в ушах эхом отдавались их невысказанные ожидания. Одна мысль о том, чтобы их разочаровать, наполняла меня невыносимым чувством вины, которое, словно кислота, на корню душило малейшие ростки бунта.

Одним таким ростком стал выбор колледжа. Строго говоря, это был не мятеж, потому что анкеты я рассылала с ведома отца и матери. Мне разрешили подать заявки в любые понравившиеся вузы – при условии, что среди них будут и выбранные родителями. К их неудовольствию, меня приняли во все – однако я не сомневалась, что на этом мои поползновения к свободе и закончатся.

Теперь же на улице стояла весна, любимое время подростков, а меня трясло от ужаса. Если бы только не надо было думать о будущем! Но родители обязали меня определиться с колледжем и специальностью до конца каникул. И вариант «поучусь немного, а там посмотрим» их не устроил бы.

Я на секунду задержалась у стойки вахтера, чтобы взмахнуть пожизненным членским билетом.

– Добрый день, мисс Янг, – с улыбкой поприветствовал меня старый охранник. – Снова на весь день?

Я покачала головой.

– Только до обеда, Берни. Потом пойду обедать с девочками.

– Покараулить их?

– Нет, я сегодня одна.

– Хорошо, – кивнул он и, пропустив меня за веревочное ограждение, снова повернулся к веренице туристов.

Все-таки в том, что мои родители делали ежегодные – и весьма щедрые – пожертвования Метрополитен-музею, была определенная выгода. Я с детства пользовалась всеми преимуществами финансового положения, связей и опыта своей семьи. Разумеется, они меня

любили, только любовь эта выражалась в редких улыбках гордости и одобрения. Неудивительно, что я часто чувствовала себя одинокой. А иногда – попросту в западне.

Когда тоска по несуществующей маме, с которой можно было бы дурачиться и печь кексы, становилась невыносимой, я начинала проситься к бабушке. Она жила на маленькой ферме в Айове, и родители неукоснительно навещали ее раз в два месяца. Это продолжалось уже много лет, причем мать с отцом останавливались в отеле в соседнем городке, а мне разрешали ночевать на ферме.

Кстати о бабушках… Заглянув в очередной зал, я заметила пожилую даму, которая сидела на банкетке в профиль ко мне и неотрывно смотрела на один из моих любимых фотопортретов – «Она ни слова о своей любви не проронила» Генри Пича Робинсона. Снимок был противоречивым. В свое время критики обрушили на автора град упреков в бестактности – он, не дрогнув, запечатлел последние мгновения умирающей девушки. Но мне фотография казалась исполненной драматизма и внутренней силы. В подписи говорилось, что художник намеревался проиллюстрировать отрывок из Шекспира. Я помнила его наизусть:

Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, как червяк, сокрытый в почке,
Питалась пурпуром ее ланит[1].

Чахотка. Полагаю, именно от нее умерла девушка на фотографии. Из-за снимка – или по какой-то другой причине – смерть от разбитого сердца всегда представлялась мне похожей на чахотку. Мне казалось, что это сокрушительная боль, которая сжимает тебя в своих кольцах, будто огромный удав, пока не выжмет досуха, оставив от тела одну пустую оболочку.

В другое время я надолго задержалась бы возле фотографии, но сейчас меня больше заинтересовала ее зрительница. Щеки женщины состояли из резких углов и впадин – как и все ее грузное тело. Из пучка на затылке выбилось несколько серых, безвольно обвисших прядей. Старуха опиралась на потертую палку – видимо, ею часто пользовались, – и была одета в цветастое платье с отложным воротничком родом откуда-то из семидесятых. С ним неожиданно контрастировали кроссовки на толстой подошве и застежках-липучках. Женщина сидела, расставив ноги на ширину плеч и устроив подбородок на руках, скрещенных поверх трости. Глаза ее не отрывались от фотографии.

Я присела в сторонке и, вытащив из рюкзака блокнот, принялась быстро набрасывать ее профиль карандашом. Через пару минут по дряблой щеке скатилась слеза. Только тогда женщина ожила и потянулась к огромной матерчатой сумке за платком.

Почему она плакала? Вспоминала собственную потерянную любовь? Или человека, которому так и не призналась в своих чувствах? Меня переполняла жалость – и жгучее любопытство. Так и не найдя ответ, я застегнула рюкзак и вышла в коридор. Сандалии гулко простучали по мраморному полу. Заметив знакомого смотрителя, я замедлила шаг.

– Привет, Тони.

– Как поживаете, мисс Янг?

– Отлично, спасибо. Слушайте… Мне нужно какое-нибудь тихое место, где можно сесть и спокойно подумать. Чтобы там не бродили толпы народа. Не знаете такого?

– Хм. – Тони в задумчивости поскреб подбородок. Раздался звук, как от наждачной бумаги – похоже, сегодня он не брился. – В египетском крыле никого нет. Вообще, там

[1] «Двенадцатая ночь», акт 2, сцена 4. Пер. А. Кронеберга. *Здесь и далее прим. переводчика.*

обновляют экспозицию, но сегодня директриса уехала на конференцию, а сотрудники без нее боятся и шагу ступить.

– Можно я там посижу? Обещаю ничего не трогать!

Тони в притворном недовольстве нахмурил брови, но потом не выдержал и улыбнулся.

– Сидите, что с вами делать. Только поосторожнее там! И не попадайтесь на глаза туристам, чтобы за вами никто не увязался.

– Спасибо!

– Да не за что. Приходите потом поболтать.

– Обязательно, – кивнула я и уже направилась к залам временных выставок, как вдруг замерла, остановленная новой мыслью. – Тони, слушайте, на фотовыставке сидит пожилая дама… Можете за ней приглядеть? Вдруг ей понадобится помощь.

– Будет сделано, мисс Лилиана.

Я улыбнулась и, миновав увешанную фотографиями стену, принялась спускаться на первый этаж. Длинный отдел средневекового искусства – гобелены, статуи, каменные орнаменты, мечи, кресты и плащаницы – завершился музейным хранилищем и, наконец, египетским крылом.

Я убедилась, что вокруг никого нет, и нырнула за тяжелую занавесь. Несмотря на кондиционеры, в воздухе стояла тысячелетняя пыль – словно экспонаты, пока их таскали с места на место, ненадолго проснулись и раскашлялись.

Верхние лампы были выключены, но сквозь огромные окна лился яркий утренний свет. Я медленно двинулась по солнечным квадратам на полу. Десятки тысяч экспонатов расположились в двух десятках залов – каждый посвящен своей эре. Я словно плыла по черно-золотому океану истории, окруженная маленькими стеклянными кубами, в которых дремали отражения давно минувших эпох.

Ларцы с выдохшимися тысячелетия назад благовониями, погребальные урны, статуэтки богов и богинь, папирусы, резные фрагменты канувших в небытие храмов – все это будто жило собственной, едва заметной жизнью. Казалось, древние артефакты только и ждут, когда какой-нибудь неравнодушный человек прикоснется к ним и, отерев пыль веков, примет в наследство их драгоценные воспоминания.

Внезапно мое внимание привлекла блестящая птичка. Я не видела ее раньше и решила, что это, должно быть, часть новой экспозиции. Искусно отлитое из золота изображение сокола, заточенное в стеклянную клетку, символизировало египетского бога Гора и сопровождалось подписью: «Гор Золотой».

Наконец я нашла достаточно освещенный уголок, устроилась на полу спиной к стене и, открыв блокнот на чистой странице, принялась набрасывать все возможные варианты – те, которые нравились родителям, и те, которые нравились мне. Я успела записать названия трех университетов, когда услышала странный треск.

Неужели за мной все-таки пошел какой-то турист? Я прислушивалась несколько минут, но так и не уловила звука шагов. В египетском отделе музея было тихо, как в склепе. Я мысленно усмехнулась каламбуру и, снова раскрыв блокнот, углубилась в изучение брошюры одного из колледжей.

Однако не успела я перелистнуть первую страницу, как шум возобновился. На этот раз я услышала глухой стук, за которым последовал все тот же треск. Я всю жизнь считала себя здравомыслящим человеком, у которого фильмы ужасов вызывают исключительно зевоту, но в этот момент впервые ощутила, как по позвоночнику скользит ледяной кубик страха.

Я медленно отложила карандаш, стараясь не издавать никаких звуков и на всякий случай даже не дышать. Теперь к стуку и треску добавилось глухое шарканье и далекий, будто бы нечеловеческий стон. Шум доносился из-за ближайшей стены. Я усилием воли взяла

себя в руки и постаралась рассуждать логично. Наверняка это какое-то животное. С другой стороны, животное в музее?..

Жуткий стон повторился. Я похолодела, опустила взгляд на свои трясущиеся пальцы – и внезапно разозлилась. Да что это я, в самом деле?!

– Эй? – неуверенно позвала я. – Есть кто живой?

Шум резко оборвался. Я заставила себя подняться и сделать несколько шагов к стене. Неужели там кто-то прячется? Будь это музейный смотритель, он бы точно откликнулся.

Прерывисто дыша, я дошла до конца стены, завернула за угол – и уткнулась в следующую стену, на этот раз пластмассовую. Должно быть, это новая секция, догадалась я. Здесь было слишком темно, чтобы разглядеть, есть ли кто-то в зале, поэтому я замерла и целую минуту раздумывала, что делать дальше.

Наконец я вслепую двинулась вперед, ведя рукой по стене, пока пальцы не провалились в полиэтиленовую занавеску: та неубедительно исполняла роль двери. Я отдернула ее – и еле удержалась от вскрика, увидев перед собой смутную фигуру человека. Но девочка, которая так меня напугала, была моим двойником: те же длинные, слегка вьющиеся каштановые волосы, бледная кожа и белая дизайнерская блуза, сейчас обильно припорошенная музейной пылью. Да, это была я. Опустив взгляд на табличку под экспонатом, я прочитала:

ДРЕВНЕЕ ЗЕРКАЛО, МЕДЬ

Что ж, хорошо полировали зеркала в Древнем Египте… Я покачала головой, удивляясь своей глупости, и осторожно углубилась в сумрачный зал.

Мраморный пол секции закрывала плотная ткань, густо усеянная опилками. Среди них тут и там валялись неровно обрезанные доски. Я подняла одну и подоткнула ею полиэтиленовую занавеску, чтобы из коридора падало хоть немного света.

Уже распакованные экспонаты стояли на временных полках; те, что по-прежнему томились в коробках, башнями громоздились на полу. Теперь я сообразила, что экспонаты привезли издалека – а значит, шум наверняка издавала мышь или крыса, устроившая гнездо в каком-нибудь ящике. Это объясняло, почему все стихло, стоило мне войти.

На первый взгляд в зале не было ничего необычного. Наборы инструментов, дисковая пила… Из некоторых коробок выглядывали египетские сокровища, наполовину погребенные в опилках. Однако я честно сдержала слово и ни к чему не притронулась – просто на цыпочках кралась вперед, пока не уловила краем глаза золотой отблеск. Еще пара шагов, и из темноты выплыл гигантский саркофаг.

Слегка сдвинутая в сторону крышка поражала воображение. Я пробежалась взглядом по деталям – искусно вырезанная маска с зелеными камнями на месте глаз, скрещенные поперек груди скипетр и цеп, драгоценная отделка, указывающая, что погребенный был далеко не простым человеком, – и руки сами потянулись к карандашу и блокноту.

Изучая инкрустацию, я заметила настойчиво повторяющуюся тройную символику: три птицы, три божества, три пары крыльев, по три браслета на предплечьях. Я двигалась вдоль крышки, раздумывая, что бы это могло значить, пока не уперлась в большую картонную коробку. Видимо, саркофаг приехал в ней прямиком из Египта. Приклеенный к ящику лист гласил:

МУМИЯ НЕИЗВЕСТНОГО
ОБНАРУЖЕНА В 1989 г.
ДОЛИНА ЦАРЕЙ
ЕГИПЕТ

Несмотря на мое восхищение готовящейся выставкой, я так и не заметила ничего странного. Никаких крысиных хвостиков, розовеющих из опилок. Никаких расхитителей гробниц или проклятых мумий. Даже никаких музейных работников!

Уже собираясь уходить, я в последний раз оглянулась на саркофаг и вдруг осознала две вещи. Во-первых, в нем не было мумии. Во-вторых, в опилках виднелась еще одна цепочка следов, помимо моей, – и вела она от гроба.

Здравомыслие несколько секунд боролось с любопытством, но последнее все-таки возобладало. Я крадучись двинулась по следам босых ног, с азартом петляя между полками и ящиками, пока не уткнулась носом в противоположную стену. Ни тебе зловещей музыки, ни трупного запаха, ни мало-мальски завалящего монстра из реквизита «Индианы Джонса»!

Я вздохнула и, подавив легкое разочарование, начала пробираться к выходу.

Я дошла до медного зеркала, когда чья-то рука стремительно вынырнула из темноты и схватила меня за запястье. На этот раз я не стала сдерживаться, и мой крик заметался между пыльными экспонатами. Но золотые боги и каменные статуи по-прежнему смотрели на меня пустыми глазами, не спеша прийти на помощь.

Глава 2. Странник в странной земле

Рука – теплая, даже горячая, и без намека на лохмотья мумии – исчезла сразу же, как только я завопила. Я вывалилась в коридор, чуть не оборвав полиэтиленовую занавеску, отбежала за угол и принялась ватными пальцами шарить в рюкзаке. Наконец я нашла перцовый баллончик и, на всякий случай полувдавив кнопку, выглянула из-за угла – как раз вовремя, чтобы заметить пару босых ног. Они на секунду показались под ободранной занавеской и снова скрылись в темноте выставочного зала.

Через секунду уже знакомый треск и скрипы возобновились: незнакомец – кто бы он ни был – вскрывал ящики с экспонатами. Одна коробка с жалобным звоном полетела на пол. Похоже, этот человек был не в курсе, что с тысячелетними реликвиями следует обращаться поаккуратнее.

– Предупреждаю, я вооружена! – неубедительно пригрозила я.

На мгновение воцарилась тишина. Затем незнакомец произнес несколько слов на чужом языке и вернулся к прежнему занятию – чем бы он там ни занимался.

– Кто там? Что вы сказали? – позвала я. Отклика не последовало, так что я попробовала иначе: – *Qui etes-vous? Quien es usted?*[2]

Единственным ответом было раздраженное ворчание и треск отброшенной коробки, который я теперь узнавала безошибочно.

– Слушайте, я не знаю, кто вы и как сюда попали, – снова начала я по-английски, присев на корточки и собирая выпавшие из рюкзака бумаги, – но вам нельзя здесь находиться!

Незнакомец опять не удостоил меня ответом. Я закинула рюкзак на плечо и принялась красться обратно ко входу, не сводя с него глаз и даже боясь моргать. Перцовый баллончик я решила не опускать – мало ли что взбредет в голову этому расхитителю гробниц?

Наконец занавеска оказалась прямо передо мной. Я поискала взглядом зловещую тень, но в зале все внезапно замерло. Он испугался и спрятался? Или затаился и готовится на меня выпрыгнуть?

– Пожалуйста, выйдите и объяснитесь, – храбро велела я.

На этот раз я выждала почти минуту. Наверное, стоило сбегать за охранником, но я словно приросла к месту, охваченная скорее любопытством, чем страхом. Если бы этот человек собирался на меня напасть, он бы уже сто раз это сделал.

Может, он заблудился? Или это бездомный, который наскреб денег на билет в надежде отыскать тут тихое местечко и вздремнуть? Или это все-таки музейный работник… Вдруг он поранился? Я опустила онемевшую руку и медленно направилась к занавеске.

– Эй? Вам нужна помощь? – снова позвала я. Увы, голос прозвучал совсем не так уверенно, как я надеялась.

Из-за занавески послышался тяжкий вздох. Я больше не целилась в нее баллончиком, но все равно нервно барабанила пальцем по кнопке.

– Кто вы? – тихо спросила я, скорее чтобы нарушить затянувшееся молчание, чем в самом деле рассчитывая на ответ.

В ту же секунду занавеска отлетела в сторону, и на пороге появился предмет моего любопытства. При этом он бормотал что-то, чрезвычайно напоминающее ругательства на иностранном языке. Шагнув вперед, он – да, это был определенно «он» – отпустил занавеску и с нескрываемым раздражением уставился на меня сверху вниз.

Хотя мы находились в самой темной части египетского крыла, я отчетливо видела белую юбку, складками спускавшуюся с его пояса до самых колен, и широкую, смуглую,

[2] Кто вы? *(фр.)* Кто вы? *(исп.)*

полностью обнаженную грудь. К босым ногам пристали опилки. Незнакомец выглядел молодым – всего на несколько лет старше меня, – но уже сверкал лысой головой. Или он брился наголо?

Парень стоял, скрестив на груди мускулистые руки, и разглядывал меня с выражением, которое я описала бы как смесь удивления и разочарования.

– Не подходи, – быстро сказала я, снова поднимая баллончик и чувствуя себя полной идиоткой.

Незнакомец выразительно приподнял бровь и ухмыльнулся. Да он надо мной смеется!

Затем он направил на меня палец и произнес что-то, похожее на приказ.

– Извини. Я тебя не понимаю, – покачала головой я.

Заметно огорченный, парень повторил то же самое медленнее, будто разговаривал со слабоумной.

Я вздохнула и принялась отвечать так же медленно, сперва указав на себя:

– Я, – я помотала головой, – не понимаю, – я ткнула в него пальцем, – тебя!

Парень издал возглас отчаяния, патетически воздел руки к потолку и замер в такой позе. В ту же секунду выставку залил яркий свет: по всему крылу вспыхнули люстры и лампы. Я не удержалась от вскрика, когда наконец как следует разглядела своего собеседника. Он действительно словно вышел из другого тысячелетия. И это был определенно не бездомный.

«Кто же ты?» – подумала я, в растерянности глядя на незнакомца – еще не мужчину, уже не подростка. Он казался… безвременным. Из-под выразительных темных бровей смотрели глубоко посаженные глаза цвета орешника – сейчас скорее зеленые, чем карие, – причем в них читался ум и одновременно что-то хищное. Я тут же почувствовала себя мышкой, которая замирает перед соколом, прекрасно сознавая скорую гибель, – и все же не может отвести взгляда от этой красоты.

Его внешние достоинства были бесспорны: изогнутые луками брови, рельефные мускулы под кожей цвета темного золота и полные губы, от которых у любой девчонки закружилась бы голова. Но под красотой скрывалось что-то большее – что-то, заставившее меня непроизвольно потянуться за карандашом. Я сомневалась, что сумею запечатлеть ту его неуловимую черту, которая наполняла меня дрожью, но собиралась хотя бы попытаться. Обычно я с легкостью распределяла людей по категориям, основываясь на их манере одеваться, двигаться, общаться с себе подобными, – но этому парню требовалась не просто новая категория. Для него нужна была другая система.

Я моргнула и поняла, что он опять усмехается. Все остальное в нем было загадкой, но это выражение я могла определить наверняка. Я встречала десятки таких парней. Американцы или нет, все они были убеждены, что папочкины деньги и смазливая мордашка наделяют их какой-то особенной властью. А этот парень просто *лучился* властью. Определенно не мой тип.

– И кто же ты такой? – дерзко спросила я, чувствуя, как щеки начинает заливать краска. – Какая-нибудь заграничная модель, которая забрела сюда в поисках реквизита и потеряла штаны?

Я насмешливо указала на его костюм – точнее, отсутствие оного.

– Поверь, дорогуша, – начала я самым снисходительным тоном, для надежности еще подчеркивая каждое слово паузой, – на тебя никто не взглянет дважды. Так что лучше не трать на меня свое обаяние и приоденься.

Мальчик-с-обложки вздохнул и принялся что-то бормотать, хаотично вращая руками в воздухе. Не прошло и секунды, как во рту у меня появился странный вкус – будто от леденца или таблетки-шипучки. Пока я пыталась сообразить, что происходит, загадочное ощущение исчезло, а незнакомец наконец произнес слово, которое я поняла:

– Назовись.

– Назовись? – тупо переспросила я. – Ты спрашиваешь мое имя?

Он кивнул.

Я переступила с ноги на ногу и сухо представилась:

– Лилиана Янг. А тебя как зовут?

– Хорошо. Идем, Юная Лилия, мне нужна твоя помощь, – старательно выговорил парень и тут же состроил гримасу, будто английские слова пришлись ему не по вкусу. Разумеется, отвечать на мой вопрос он и не подумал.

Явно уверенный, что я последую за ним, он развернулся и снова скрылся за занавеской. После секундного колебания мое неуемное любопытство все-таки победило, и я нырнула в огороженную секцию. Теперь ее заливал яркий свет. Мальчик-с-обложки возобновил прежнее занятие – поднимал одну коробку за другой, быстро заглядывал в нее и отбрасывал в сторону.

– Что ты делаешь? Почему так странно одет? И почему сперва не понимал английский?

– Слишком много вопросов, Юная Лилия. Выбери один.

Парень вытащил из коробки тяжелый запечатанный кувшин и, закрыв глаза, мелодично произнес несколько слов на иностранном языке. Затем открыл глаза, покачал головой и, опустив кувшин, перешел к следующей коробке.

– Что ты делаешь? – спросила я, когда он возобновил бубнеж.

– Ищу свои канопы.

– Канопы? – я на секунду растерялась. – Ты имеешь в виду погребальные урны? В каком смысле они «твои»?

– Только один вопрос, Юная Лилия.

– О’кей, – я решила, что с расхитителями гробниц лучше не спорить. – Ты ищешь свои канопы, они же погребальные урны. Кажется, я читала о них в «National Geographic». Такие штуки для мумий, куда складывались вырезанные из тела органы.

– Верно.

– Ты их воруешь?

Парень перешел к следующей коробке.

– Нельзя украсть то, что принадлежит тебе.

Я обогнула полку и заглянула ему в лицо. Я довольно хорошо разбиралась в людях и обычно могла определить, когда они лгут. Он – не врал. А это означало одно из двух: либо у него в самом деле были какие-то права на тысячелетние реликвии, либо он псих. Пока я склонялась ко второму варианту.

– Слушай, – примирительно начала я, – эти экспонаты принадлежат музею. Их нельзя трогать. Нельзя вот так запросто прийти в музей и хватать, что понравится.

– Музей?

– Да, музей. Знаешь, такое место, где собраны старинные вещи, документы и произведения искусства.

Парень отвинтил крышку очередного кувшина и приложил глаз к горлышку.

– А, – сказал он. – Обитель Муз.

– Что?

Этот вопрос тоже остался без ответа. Заглянув еще в несколько коробок, незнакомец разразился воплем отчаяния.

– Их здесь нет!

– Твоих каноп? – уточнила я.

– Да. Это подделки. В них нет моей жизненной силы.

– Жизненной силы. Понятно…

Нет, он точно псих.

Я пробормотала какое-то стандартное извинение и начала пятиться к выходу – однако не успела сделать и нескольких шагов, как парень двинулся за мной.

– Без жизненной силы я всего лишь бледная тень, выброшенная на берег моря времени, – серьезно произнес он, буквально пригвоздив меня взглядом к месту. – Мне нужно питание, Юная Лилия.

– Питание. Конечно. – Будем надеяться, что Мальчик-с-обложки не превратится в Ганнибала Лектора! – Здесь есть несколько отличных мест, где можно перекусить. Например, кафе «Сад на крыше» на пятом этаже…

И я неопределенно махнула рукой на потолок, продолжая пятиться между полками и коробками. Незнакомец не отставал ни на шаг.

– Не беги, Юная Лилия.

– Не бежать? – я нервно хихикнула. – Я не бегу. Кстати, если ты так проголодался, в отделе американского искусства есть еще одно кафе – совсем рядом с египетским крылом. Захочешь – не пропустишь. Ну, мне пора. Серьезно, я уже опаздываю…

– Ты не понимаешь. Без своих каноп мне придется одолжить твою жизненную силу.

– Одолжить мою… Слушай, моя жизненная сила нужна мне самой. И желательно прямо сейчас. Мне правда жаль, что я ничем не могу помочь, но… – я наконец поняла, что он загоняет меня в угол, но было уже слишком поздно.

Парень растянул губы в улыбке, когда я уперлась в стену из составленных ящиков. Больше не раздумывая, я вскинула руку с перцовым баллончиком и со всей силы вдавила кнопку. Парень взвыл и согнулся пополам. В ту же секунду вокруг него начало закручиваться маленькое торнадо из пыли, опилок и щепок.

Я запаниковала и бросилась к занавеске, но добежать до нее не успела. Лампы снова погасли, и я с размаху врезалась коленом в золотой саркофаг. Я пошатнулась, пытаясь удержать равновесие, и тут же услышала приближающиеся шаги.

– Вернись, Юная Лилия, – простонал парень. – Ты мне нужна!

Ну уж нет, спасибо…

Времени ждать, пока глаза привыкнут к темноте, не было, так что я на ощупь добралась до конца саркофага, прикинула, где выход, и со всех ног бросилась на слабый свет. Стоило мне вывалиться в коридор, как занавеска отдернулась снова – на этот раз под рукой моего преследователя.

Так и не застегнутый рюкзак подпрыгивал за спиной, щедро рассыпая карандаши и фломастеры. Когда на пол полетел блокнот, я пренебрегла опасностью и присела, чтобы его подобрать, а заодно бросить лихорадочный взгляд через плечо.

За мной никто не гнался. Мальчик-с-обложки стоял посреди коридора, воздев руки к потолку и закрыв глаза. Его монотонный напев несся за мной все время, пока я пробиралась между экспонатами к выходу из секции. Внезапно порыв ветра – невозможный, немыслимый в музее! – бросил волосы мне в лицо и на секунду ослепил. Мелодичные и теперь почему-то совершенно понятные слова отпечатывались у меня в памяти, словно иероглифы на каменной стене. Парень пел:

Защити меня,
Бог утреннего солнца,
Огради от дурного промысла,
Отведи все печали и бедствия.
Силой слова,
Силой сердца
Плету я заклятие.
Как сегодня были связаны наши руки,

Так отныне будут связаны наши жизни.
Неустанно она будет служить мне,
Как и я неустанно служу Египту.
Чтобы сделать мой шаг легким по этой земле,
Дай ветра моим перьям,
Дай воли моим крыльям,
Дай силы моему сердцу.
Жизнь ее теперь с моей нераздельна,
Как нераздельны до смерти душа и тело.
Где мне ходу нет, там она пройдет.
Где я упаду, там она устоит.
Где я ослабею, она даст мне силу.
Сердце мое крепко.
Душа моя тверда.
Служение мое вечно.

Я почти добралась до выхода – но в этот момент он произнес последнее слово, и мне в спину словно врезался невидимый таран. Я споткнулась и полетела на пол.

В голове не осталось ни одной мысли – всё вытеснила пронзительная боль. Сердце бешено колотилось о ребра, желудок скрутило в мучительном спазме, и я, сколько ни пыталась, не могла протолкнуть в легкие даже глотка кислорода.

Он в меня выстрелил? Я с хрипом втянула воздух и усилием воли перевернулась на спину. Крови на блузке не было, отверстия от пули – тоже. Я зажмурилась и заставила себя встать на колени, потом выпрямиться. Надо отсюда убираться. *Сейчас же.*

Когда я дохромала до коридора, боль немного утихла. Я бросила взгляд на часы – тридцать пять минут двенадцатого; я опаздывала на обед, но совсем чуть-чуть. Если бы я пропустила большую часть встречи, отец проел бы мне плешь своими нотациями. Ему было важно, чтобы я дружила с дочерьми нескольких важных лиц, с которыми он надеялся наладить «взаимовыгодное сотрудничество».

Я протолкалась сквозь толпу к одному из своих любимых кафе. Услужливый метрдотель тут же проводил меня к столику, расположенному в эркере возле выходящего на улицу окна. Стоило мне плюхнуться в кресло, как в меня снова врезался таран – но на этот раз он не имел ничего общего с выходцами из Древнего Египта и таинственными песнопениями. Три мои одноклассницы устремили на меня взгляды, исполненные такого скепсиса, что ими можно было бы стереть в пыль пару пирамид. Три идеально напомаженных ротика дружно изогнулись буквой «О». Три глянцевых меню синхронно опустились на хрустящую от крахмала скатерть.

– Боже, что с тобой случилось? – спросила Рыжая.

– Такое впечатление, что на тебя напала бешеная кошка, – поддакнула Блондинка.

– Напала, исцарапала, обслюнявила и, гм, помочилась, – добавила Перекись Водорода.

Девочки захихикали.

– Постойте, я поняла! – с воодушевлением воскликнула Блондинка. – В такси не принимали карточки, и ты полчаса прождала автобус на остановке с открытым верхом. Разве ты забыла, что эти плебеи понимают только наличные? – протянула она голосом, который можно было бы добавлять вместо сиропа в чай.

Я наградила «дорогих подруг» своей самой убийственной улыбкой, но спектакль был далек от завершения.

– Серьезно, кто делал тебе укладку? Альберт Эйнштейн?

– И что у тебя с одеждой? – сморщила носик Перекись Водорода. – На шарпее и то меньше складок.

Рыжая перегнулась через стол и демонстративно оттянула на мне блузку.

– Это что, *опилки*?

– Они самые, – огрызнулась я.

– Так я и знала! – всплеснула руками Блондинка. – Наша Лилиана тайком встречается с ковбоем!

И девочки снова захихикали.

– Что ж, это объясняет прическу, – сквозь смех выдавила Рыжая.

– Хватит уже, а? У меня выдалось непростое утро, – и я, почти до носа спрятавшись за раскрытым меню, принялась лихорадочно отряхивать грудь от опилок. – Пришлось устроить марафон по музею.

– Ты имеешь в виду – *до* музея? – уточнила Рыжая, причем в ее голосе впервые прорезалось искреннее сочувствие.

– Нет, я имею в виду – *в* музее.

Перекись Водорода распахнула глаза и испуганно понизила голос:

– Тебя хотели… ограбить?

От былых насмешек не осталось и следа: одного намека на карманника оказалось достаточно, чтобы пробудить глубинный страх, свойственный людям моего круга. Почти все они были убеждены, что мир вращается вокруг них, и те, кому повезло в жизни меньше, буквально спят и видят, как бы оттяпать кусочек от их состояния или их самих. Другие взгляды в моей школе не приветствовались.

– Бедняжка, – принялась кудахтать Блондинка, пока Рыжая отряхивала мне спину, а потом невозмутимо вытирала пальцы салфеткой. – Ничего, здесь ты в безопасности. Все позади.

После этого Блондинка пустилась в рассуждения о новом дизайнере, которого ей насоветовала подруга подруги, и я рассеянно уставилась в окно. Однако насладиться видом мне не удалось: желудок снова скрутило, мышцы обожгло болью, а дыхание сбилось без видимых причин. Не прошло и секунды, как я заметила мужчину. Он возвышался посреди тротуара, словно выставленный из музея обелиск. Мужчина в белой юбке и без ботинок.

Жителей Нью-Йорка сложно чем-то удивить, но этому парню удалось произвести фурор. Натыкаясь на него, толпа распадалась на два возмущенных ручейка, но ему явно не было дела до учиненного переполоха. Задрав голову, он медленно поворачивался вокруг оси, будто никогда раньше не видел небоскребов. Затем он шагнул на проезжую часть, и я непроизвольно вскочила.

В следующую секунду в него врезался автомобиль.

– Кэсси, Кристи, Кортни, простите, мне надо бежать!

И я, в панике схватив рюкзак, бросилась через боковой выход на улицу. Странная сила притягивала меня к этому человеку, который возбуждал во мне одновременно ужас и восхищение. Правда, теперь я уже не была уверена, что хочу найти его в живых.

Глава 3. Сердце сфинкса

Я выскочила на улицу и, растолкав прохожих, кинулась к парню. Да что со мной такое? Складывалось впечатление, что мое тело мне больше не принадлежит и я просто наблюдаю за его действиями со стороны.

Когда я добралась до своего незадачливого знакомца, неприятный осадок от нашей первой встречи совершенно рассеялся. Автомобиль не просто сбил парня, но и отбросил его на встречную полосу, так что в него врезались минимум дважды. Из угла рта сочилась струйка крови, на голове зияла ужасная рана. Смуглый бок был исполосован царапинами, голые ноги казались порезанными, точно ножом. Одна рука торчала под неестественным углом, правое плечо было рассечено до кости, а широкая грудь выглядела так, словно парня привязали к стулу и долго и упорно избивали. Разумеется, прохожие не придумали ничего лучше, кроме как столпиться вокруг и снимать происходящее на телефоны.

– А ну прочь! – заорала я на них неожиданно для самой себя, а потом принялась отпихивать зевак руками, когда некоторые камеры обратились и на меня.

По правде говоря, они вряд ли знали, как помочь человеку в такой ситуации. Я и сама не знала. На самом деле я удивилась, что он вообще жив.

Стоило парню меня увидеть, как его глаза – сейчас скорее янтарные, чем зеленые, – впились в мое лицо и больше от него не отрывались. Он был испуган, растерян и явно страдал. Его эмоции накатывали на меня волнами, вызывая жгучую жалость. Внезапно кожу обдало жаром и начало покалывать, словно горячими иголками. Мне не было нужды воображать, как он себя чувствует – я словно испытала все это сама. *Надо ему помочь.*

Парень едва дышал, но, заметив меня, все же сделал попытку приподняться.

– Я нашел тебя, Юная Лилия, – выдавил он, и эти слова вдруг показались мне более весомыми и осмысленными, чем все, которые я слышала до этого. Сейчас он выглядел древним воином, умирающим на асфальтовом поле боя.

Я опустилась на колени и осторожно коснулась гладкой кожи его руки, чудом не изрезанной в клочья.

– Это точно, – сказала я с мягким укором. – Но посмотри, какой ценой!

То обстоятельство, что он был смертельно ранен – а может быть, и доживал свои последние мгновения, – наложилось на недавний приступ эмпатии, когда я буквально на своей шкуре ощутила его состояние. От былых страхов не осталось и следа: на ярком дневном свете они лопнули, как мыльные пузыри.

Конечно, парень был не в себе – теперь я в этом не сомневалась, – но относился скорее к типу достойных сочувствия чудаков, чем кровожадных маньяков. Я зря окружила его зловещим ореолом. Распластанный посреди улицы, весь в крови, он вызывал исключительно жалость.

Парень шевельнулся и тут же зашипел от боли. Видимо, у него была сломана нога – а может, и бедро. Я вытащила телефон и уже начала набирать 911, когда он поднял здоровую руку.

– Помоги мне, – взмолился он.

Я указала на телефон.

– Это я и собираюсь сделать!

– Нет, – он покачал головой и закрыл глаза, видимо, пережидая очередной приступ боли. Через несколько секунд он снова поднял на меня взгляд – и я вдруг поняла, что не могу шевельнуться. Шум Нью-Йорка словно смыло огромной приливной волной. Весь мир, кроме нас двоих, перестал существовать, и я поняла, что стремительно тону в зеленых омутах его глаз. Господи, какой же идиоткой надо быть, чтобы так быстро потерять голову?!

– Помоги мне, – повторил он. Эти простые слова рассеяли странный транс, в который я с такой охотой погрузилась. В уши снова ударила какофония мегаполиса. Я машинально разжала пальцы, и телефон полетел на землю – но я едва ли заметила, как от него отскочила задняя крышка. Более не раздумывая, я взяла парня за здоровую руку.

В ту же секунду нервные окончания обожгло нестерпимой болью. Из глаз брызнули слезы. На краю сознания вспыхнула и мгновенно погасла мысль, что вот так и выглядит казнь на электрическом стуле. В нос ударил запах горячего масла, я вскрикнула и сжала зубы, чтобы не потерять сознание. Еще пара бесконечных секунд, наполненных предсмертной агонией, – и боль начала отступать, пока не превратилась в горячее покалывание по всему телу и крохотные разряды статического электричества, приподнявшие мне волосы на затылке. Я сморгнула слезы. Между нами и толпой словно выросла невидимая стена: прохожие по-прежнему щелкали мобильными, но никто не сделал и попытки подойти.

Все мышцы ныли, отходя от недавнего шока. Я чувствовала себя выпитой досуха, будто меня заперли в парилке и забыли там на пару часов.

Вдруг кто-то осторожно сжал мою руку – и я, вспомнив, где нахожусь, с ожесточением вырвала ладонь.

– Что это было? – прошипела я. Эйфория от роли доброй самаритянки прошла бесследно. Теперь меня переполняли только гнев и возмущение. – Что ты сделал?!

Вопрос прозвучал наполовину обвинением. Я чувствовала себя обесчещенной, хотя не смогла бы сказать почему. Это ощущение вызвало у меня новые слезы.

Парень смерил меня долгим взглядом, и на мгновение мне показалось, что он жалеет о сделанном. Затем, так и не снизойдя до ответа, он вздохнул, вытер с губ кровь и осторожно поднялся, как будто не был уверен, что ноги ему подчинятся. Собравшиеся зеваки разразились восхищенными возгласами, торопясь сделать еще несколько снимков чудесного исцеления.

Однако это оказалось и вполовину не так удивительно, как его реакция на толпу. У парня был модельный рост, и поскольку я до сих пор стояла на коленях, мне пришлось вывернуть шею, чтобы разглядеть его лицо. Полуденное солнце окружало его голову золотым нимбом, поэтому я никак не могла сфокусировать взгляд – но и без этого поняла, что он медленно поворачивается по кругу, благосклонно улыбаясь и кивая зевакам.

Сполна насладившись вниманием, он властно протянул мне руку.

– Идем, Юная Лилия, – его голос гулко раскатился над улицей. – У нас много дел.

Я уже собиралась озвучить, куда он может засунуть свое покровительственное отношение вместе с сексуальным акцентом, как вдруг он снова вперил в меня взгляд. Мир дрогнул и поплыл, как перед обмороком, и я с удивительным равнодушием поняла, что не хочу спорить. Чувствуя себя марионеткой, которую дергают за веревочки, я вернула крышку телефона на место, убрала его в рюкзак и приняла предложенную помощь.

Вставать так резко оказалось плохой идеей: желудок тут же завязался в узел, и я непременно упала бы, если бы парень не поддержал меня за спину. Такая развязность вызвала у меня новую бурю негодования. Я сделала попытку отстраниться, но бегство принцессы с бала, видимо, не входило в его планы.

– Ты останешься со мной, Юная Лилия.

С этими словами он поднял мою обмякшую ладонь, накрыл ею свою руку, и в этой нелепой позе – точно принц с Золушкой – мы прошествовали обратно на тротуар.

Толпа расступалась перед нами, словно Красное море перед Моисеем. Что и говорить, держался мой спутник и вправду царственно. Впечатление немного портила посеревшая от грязи, изодранная в нескольких местах юбка, но даже в этой пародии на килт он тянул как минимум на пророка.

По дороге я постаралась собраться с мыслями. Я понимала, что происходит нечто подозрительное, потому что такое поведение было мне абсолютно несвойственно, но я попросту не могла вырвать руку или отвести взгляда от этих зеленых глаз. Что ж, каким бы Копперфильдом он ни был, в следующий раз ему стоит подумать дважды, прежде чем подчинять меня своей воле – особенно когда я четко показала, что против!

Добравшись до тротуара, мы все так же величественно проплыли мимо стеклянной стены кафе, о которую расплющили носы три мои «подружки».

Парень нарушил молчание, только когда мы на несколько домов отошли от места аварии.

– Прости, что вовлек тебя, Юная Лилия, но у меня не было другого выхода.

– Вовлек во что? – прорычала я, закипая от невозможности развернуться и припустить в другую сторону.

В ответ он накрыл мою руку второй ладонью, которая еще несколько минут назад напоминала кровавое месиво, и тяжело вздохнул:

– Объяснение будет слишком долгим, а место неподходящее.

– Прекрасно. Какое же место ты считаешь подходящим для объяснений?

Парень поджал губы и покрутил головой по сторонам, с явным восхищением разглядывая высящиеся вокруг небоскребы.

– Не знаю, – наконец ответил он, покачав головой.

– И это ответ?! Как ты так быстро вылечился? Что ты со мной сделал?

Издав уже знакомый вопль отчаяния, он втолкнул меня в тень ближайшей стены – причем так резко, что я не удержала равновесие и упала ему на грудь. Сердце тут же пропустило пару ударов, а кончики пальцев начало покалывать в том месте, где они соприкасались с его кожей. Мое тело словно впитывало его тепло. Парень был горячим в буквальном смысле. Похоже, его лихорадило.

Я поняла, что меня тоже начинает лихорадить, и в который раз за день пришла в бешенство. Я не западаю на опасных парней! Тем более – на опасных парней в юбках! Нет, он определенно отличался от всех, кого я встречала раньше.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Юная Лилия, – пробормотал он, в очередной раз удержав меня от полета на асфальт. – Твои мысли напоминают встревоженный улей. В этом мире и так много хаоса, а ты его еще усугубляешь, – и он мягко сжал мои плечи. – Постарайся успокоиться. Я не причиню тебе вреда.

– Надо полагать, именно так и говорят инопланетные похитители, – парировала я и тут же осеклась, поразившись, с какой легкостью обычно сдерживаемый сарказм сорвался с моих губ.

– Мне нужно немного отдохнуть, – буднично сообщил парень и наконец убрал руки. Я с облегчением вывернулась, почуяв свободу. Он отошел на пару метров, чтобы целиком оказаться на солнце, прислонился к стене и закрыл глаза – по-видимому, совершенно уверенный, что я никуда не денусь. Я улыбнулась, поправила лямку рюкзака и приготовилась бежать – как вдруг поняла, что не могу поднять ногу. Что за чертовщина?! Спокойствие, только спокойствие… Я несколько раз глубоко вдохнула и усилием воли запретила себе думать о побеге. Только тогда я смогла двинуться с места.

Следующие несколько минут я изучала длину поводка. Я могла ходить кругами. Сидеть на соседней скамейке. Даже дойти до ближайшей мусорной урны. Однако стоило мне направиться чуть дальше, как ноги становились ватными и я фактически прирастала к месту. Между мной и этим проклятым парнем словно натягивалась невидимая цепь. Ну ты и попала, Лилиана!

Я решила остановить кого-нибудь из прохожих и объяснить, что меня удерживают силой, но даже голос отказался мне подчиняться. Например, я хотела позвать на помощь, а

вместо этого попросила ручку. Когда же мимо проходил полицейский, он услышал от меня только: «Отличный денек, офицер!»

Надо бежать. Сейчас же. Хотя нет. Это неправильно. С чего бы мне бежать?.. Я помотала головой, чувствуя, как путаются мысли. Может, мне и правда стоит остаться с ним еще ненадолго? Когда я приближалась к своему тюремщику, мне словно становилось легче дышать, а к рассуждениям возвращалась четкость. В итоге я села на деревянную скамейку и принялась сверлить парня взглядом, раздумывая, что же за таинственная связь между нами образовалась.

Любая моя одноклассница уже заливалась бы слезами, но мою голову наводняли только тучи вопросов. Так я обычно реагировала на стрессовые ситуации. Если в жизни творится что-то неладное, нужно сесть и хорошенько подумать, а решение наверняка найдется само собой.

Как вышло, что человек, попавший в аварию, так быстро излечился от ран? Кто он? Как мной управляет? Чего хочет?.. Я потерла плечо. Очень скоро мне понадобится обезболивающее. Я уже чувствовала, как надвигается из-за горизонта мигрень – затылок начало характерно покалывать. Да что там, все тело ломило, будто меня переехал каток. А ведь я даже не знала имени этого парня!

Несколько минут я молча смотрела, как он подпирает стену. Затем мне это надоело, я вытащила из рюкзака блокнот и занесла карандаш над чистой страницей, не представляя, с чего начать. Парень или не замечал, что его рисуют, или ему было все равно – так что я вдоволь изучила его лицо.

Он был симпатичным, но каким-то… нездешним. Даже когда проплывавшее мимо облако ненадолго накрыло его своей тенью, он продолжал лучиться собственным внутренним светом. Нет, не как неоновая вывеска. Это было скорее теплое сияние, почти незаметное, если не присматриваться. Его силуэт был обведен тонким золотым контуром, словно его подсвечивал скрытый прожектор.

Я прикинула первую линию, на всякий случай еще раз бросила взгляд на своего натурщика – и вздрогнула, потому что два зеленых глаза смотрели на меня в упор.

– Пора идти, Лилия, – спокойно объявил парень.

– Идти куда?

Тот передернул монументальными плечами, выпрямился в полный рост и задумчиво взглянул на окружавшие нас небоскребы. Затем он осмотрел обе стороны улицы, будто прикидывал возможный путь.

– Не знаю. Я никогда раньше не видел таких домов, – и он, склонив голову, поинтересовался: – Далеко ли до Фив?

– Фив? – я нервно хихикнула. – Ну, такой прогулки мои сандалии точно не выдержат.

Я чуть не зажала рукой рот, сообразив, что в точности озвучила свои мысли. Ирония у нас в семье не поощрялась, и я потратила немало времени, прежде чем приучила себя делать несколько вдохов и выдохов перед язвительным ответом, вертящимся на языке. Привычка шутить по любому поводу была моей второй, тайной натурой, только вот в родительском кругу остроумие отнюдь не считалось добродетелью.

Парень внимательно изучил мои сандалии и нахмурился.

– Очень хорошо. Мы найдем другой способ туда добраться.

С этими словами он наконец отклеился от стены, кошачьей походкой приблизился к скамейке и протянул мне руку. Я демонстративно отшатнулась, и этот жест, по-видимому, его обидел.

– Посиди тихо, – велел парень, легко касаясь моей щеки. Подушечки пальцев были теплыми, будто он обмакнул их в горячий мед или расплавленное золото. Когда он провел по

моим скулам сверху вниз, их словно огладило закатное солнце. У меня возникло странное впечатление, будто он меня оценивает – но не так, как парни обычно оценивают девчонок.

– Ты ослаблена, – наконец постановил он. – То происшествие лишило нас сил. Нам обоим нужно питание.

– Опять это слово!

Парень склонил голову к плечу.

– Ты предпочла бы другое название?

– Нет, это вполне годится, если я не числюсь в меню, – усмехнулась я.

– Я не употребляю в пищу человеческую плоть. А в вашем городе это принято?

– Гм, нет.

На его лице отразилось облегчение.

– Это хорошо. Мне не хотелось бы голодать.

– Отлично, вычеркну «каннибализм» из списка своих опасений. А то, знаешь ли, я уже прямо видела, как ты нарезаешь меня ломтиками и обжариваешь с перцем.

Парень нахмурился, сосредоточенно о чем-то размышляя, – а потом его губы изогнулись в искренней улыбке, полной такого детского восторга и света, что мне захотелось попросить его улыбаться всегда. Словно небосвод весь день был затянут тучами, а под вечер из них выглянуло солнце – и одарило меня неожиданным, но оттого еще более ценным теплом.

Мое первое впечатление оказалось ошибочным. Он не был моделью, психом или маньяком с топором – и не соответствовал ни одному ярлыку, который я успела на него навесить. Власть, которой были облачены его плечи, проистекала не из состояния или модельной внешности – хотя как минимум в одном из двух ему нельзя было отказать. Нет, самоуверенность этого парня опиралась не на манию величия. Она коренилась гораздо глубже.

– Я об этом подумаю, – наконец произнес он, продолжая улыбаться. – А сейчас скажи мне, какой урожай собирают на полях этого железного города? Я не вижу крестьян, но обоняю повсюду запахи пищи.

На полях?

Не дождавшись ответа, он взял меня за руки и потянул прочь со скамейки.

– Ты поможешь мне их найти, Лилия?

Во мне начало крепнуть подозрение, что от меня потребуется больше, чем просто махнуть в сторону ближайшей забегаловки. Во-первых, парень, очевидно, не понимал, где находится. Во-вторых, несмотря на всю свою царственность, он временами испытывал сомнения и растерянность, которые, похоже, были ему непривычны и приводили в еще большее замешательство. В-третьих, он действительно нуждался в моей помощи. Все прочее в нем оставалось загадкой, но это я видела совершенно отчетливо.

Вероятно, решение лежит на поверхности. Может, когда я куплю ему бургер и карту, этот псевдогипноз спадет, мы мирно распрощаемся, и я наконец-то отправлюсь домой. За неимением более вразумительных вариантов я предположила, что сейчас нас удерживает вместе Провидение и мне нужно предпринять еще какие-то шаги, чтобы освободиться от навязанной роли ангела-хранителя. В противном случае я даже не представляла, куда это все меня заведет.

За свою недолгую жизнь я убедилась, что самое очевидное решение зачастую оказывается самым правильным. Он хочет есть? Хорошо, я его накормлю, а там посмотрим.

– Ну… – я покрутила головой, выглядывая вывески кафе. – В Нью-Йорке есть всего понемножку.

– Этот город называется Нью-Йорк?

– Именно, – подтвердила я, пристально наблюдая за его реакцией. Если он сейчас притворялся, что не понимает, где находится, на Бродвее его оторвали бы с руками.

– Хорошо, – кивнул парень. – Тогда покажи мне… всего понемножку.

Я смерила его «килт» многозначительным взглядом.

– Боюсь, единственное место, где тебя обслужат в таком виде, – это палатка с хот-догами.

– С чем?

– Ну, знаешь, с «жареными собаками».

Парень сморщил нос.

– Вы едите собак? Немногим лучше человеческой плоти!

– Нет! – рассмеялась я. – Слушай, ты и правда не от мира сего. Хот-доги делают из свинины или говядины.

– Гм, понимаю. Тогда я хотел бы попробовать… «жареную собаку».

– И ты ее получишь, Али-Баба.

– Почему ты так меня называешь?

– Ну надо же мне тебя как-то называть, раз ты до сих пор не представился.

Я наконец приметила палатку с сосисками и сделала парню знак не отставать. Тот послушно двинулся за мной к светофору.

– Амон, – сказал он, когда мы остановились на переходе. – Меня зовут Амон.

На самом деле он произнес имя иначе – этаким знойно-тягучим «Ах-моун», которое наверняка вскружило бы голову любой девчонке. Ну, если бы какая-то ненормальная запала на такого же ненормального.

– О’кей, приятно познакомиться, Амон из Фив.

– Я не из Фив.

– А откуда?

– Я родился в Итжтави во времена правления Темного бога.

– Точно. Напомни, а Итжтави у нас в какой стране?

– Я думал, ты знаешь, что я из Египта.

Интересно, почему все симпатичные, по-настоящему интересные парни в итоге оказываются без царя в голове? То есть по Амону и так было видно, что самолет потерпел крушение, но пилот, по-видимому, катапультировался еще раньше.

– Значит, мне следует называть тебя фараоном Амоном? – ехидно подыграла я, пока мы ждали зеленого света.

– Меня не успели короновать, а эпоха фараонов наступила намного позже моей.

Ну вот, что-то проясняется. Я наконец ощутила себя в своей тарелке.

– Ну и ладно. Не расстраивайся. Не титул красит человека, правда?

Амон скрестил руки на груди и сумрачно взглянул на меня сверху вниз.

– Ты надо мной смеешься.

– Ничуть. Нужно иметь каменное сердце, чтобы смеяться над фараоном, которого не успели короновать!

На лице Амона отразилась бурная гамма эмоций – причем среди них были и такие, которые заставили меня почувствовать себя неловко. Однако он быстро справился с собой, сосредоточив внимание на уличной толчее. Похоже, дорожное движение совершенно его захватило – вся эта суматоха, выхлопные газы, пронзительные гудки и кулаки, трясущиеся из водительских окон. В другой ситуации я решила бы, что он никогда прежде не видел автомобилей. Но в нашем мире такие люди остались только в первобытных племенах, а я сомневалась, что он вождь туземного племени.

Наконец на светофоре вспыхнуло зеленое окошко, но Амон терпеливо ждал, пока все машины не остановятся. Он пошевелился, только когда я взяла его за руку.

– Пойдем! – поторопила я. – Свет скоро сменится, а водители не будут разбираться, кто там на переходе.

Стоило мне намекнуть на повторение недавней аварии, как Амон на всех парах рванул вперед, таща меня на буксире и размахивая свободной рукой, чтобы другие пешеходы посторонились.

– Я бы не доверял этим золотым колесницам, – мрачно сказал он, когда мы перебрались на другую сторону улицы и я повела его к палатке с сосисками.

– Боюсь, на Манхэттене это самое популярное средство передвижения.

– Ты же сказала, что мы находимся в городе под названием Нью-Йорк?

– Ну да. А Манхэттен – название острова.

– Острова? – растерянно переспросил Амон. – Мы и в самом деле далеко от Фив…

– Да, далековато, – подтвердила я с нарочитым сочувствием, будто говорила с ребенком, и осторожно взяла его за руку. – Давай-ка купим хот-дог, я позвоню в социальную службу, и они тебя подберут.

Я еще не решила, что делать дальше, но такой порядок действий показался мне разумным. Я была совершенно без сил. Парню требовалась помощь, которую я не могла ему оказать, и сейчас мне хотелось лишь как можно скорее устраниться из этой ситуации.

– Зачем меня подбирать? Я прекрасно стою на ногах… А, я понял! Это иносказание. Как «жареная собака».

– Точно, – я натянуто улыбнулась, обескураженная абсурдностью нашей беседы.

– Чего хотите? – не слишком приветливо поинтересовался продавец хот-догов, быстро глянув на Амона и его юбку.

– Два хот-дога с соусом и содовую, пожалуйста, – ответила я.

Амон – если это было его настоящее имя – изваянием застыл у меня за спиной, словно собираясь защищать от прохожих. Впрочем, это не мешало ему с любопытством смотреть, как продавец собирает нам заказ. Когда хот-доги были готовы, я передала их парню и вытащила из бумажника десятидолларовую купюру. Затем ссыпала полученную мелочь в жестяную банку для пожертвований и увлекла спутника на пустую скамейку, на всякий случай водрузив между нами рюкзак.

Амон отвернул обертку хот-дога и осторожно откусил. Судя по выражению лица, «жареная собака» ему понравилась. Все шло хорошо, пока я не вручила парню бутылку содовой. Он доверчиво набрал полный рот лимонада, а через секунду выплюнул все обратно, задыхаясь, кашляя и утирая слезящиеся глаза.

Я метнулась к палатке, схватила пачку салфеток и принялась отчищать грудь и руки Амона от содовой, которая после случившегося была буквально повсюду. Парень глядел на эту суматоху со смесью смущения и веселого изумления.

– Я сам могу о себе позаботиться, Юная Лилия, – и он, перехватив мою ладонь, мягко вынул из пальцев подмоченные салфетки.

Я тут же залилась краской до самых ушей.

– Прости, я не имела в виду ничего такого…

Амон с равным спокойствием отнесся к коварной содовой и моим сбивчивым извинениям – просто продолжил вытирать блестящую от влаги грудь. Я поняла, что чересчур уж наслаждаюсь этим зрелищем, и поспешно отвела глаза. Физическое влечение к мистеру Уже не королю/Еще не фараону казалось мне недопустимым, более того, кощунственным, и я старательно искореняла всякие ростки этого интереса.

Закончив вытираться, Амон вернул мне содовую.

– Этот напиток ужасен. Здесь можно раздобыть виноградного сока? Или воды?

– Держи, – сказала я, вернувшись через минуту с бутылкой минералки. – Ну, и как вышло, что ты оказался в Нью-Йорке, ничего о нем не зная?

Вместо ответа Амон приник к горлышку и не отрывался, пока не осушил все до последней капли.

– Эта вода слаще дюжины поцелуев самых прелестных девственниц на обоих берегах Нила, – уверенно заявил он, возвращая мне пустую бутылку.

Я поняла, что забыла, о чем спрашивала. Похоже, самой частой моей реакцией в этот день было просто пялиться на него с таким видом, будто у меня вата вместо мозгов. К сожалению, это было недалеко от правды.

Заметив, что я не отвечаю, Амон помахал у меня перед лицом рукой.

– Ты не могла бы принести еще воды? У меня в горле сухо, как в пустыне.

Какое совпадение – у меня тоже вдруг пересохло горло.

– Гм… Да, конечно.

Я вынула из рюкзака еще пару купюр и, оставив рюкзак на скамейке, направилась за водой. Когда я возвращалась с бутылками в обеих руках, какой-то проныра в капюшоне цапнул мой рюкзак за лямку и что есть мочи припустил по улице. Да ладно?! Этот день может стать *еще хуже*?

– А ну стой! – завопила я и выронила бутылки, которые тут же разлились по асфальту двумя темными лужами. Через секунду я кинулась за воришкой. – Держите его!

К моему удивлению, несколько прохожих действительно попытались задержать парня, но прежде чем я до него добралась, случилось нечто странное: он словно примерз к асфальту, беспомощно подергивая ногами, а потом начал разворачиваться. В ту же секунду у меня за спиной раздался властный голос:

– Ты вернешь ей вещи.

– Не надо, Амон. Я вполне могу разобраться сама, – проворчала я, а затем в полный голос велела: – Верни рюкзак, и я не стану звать копов.

Воришка с остекленевшими глазами протянул мне сумку и, пошатываясь, начал проталкиваться через толпу. Складывалось впечатление, будто он не вполне владеет ногами. Я бросила на Амона неверящий взгляд, покачала головой и принялась проверять, все ли на месте.

Пока я рылась в карандашах и блокнотах, мой «телохранитель» снова вжился в роль кинозвезды, кивая и улыбаясь собравшимся зевакам. Когда кто-то из них разразился одобрительными возгласами, он даже поднял руки, наслаждаясь всеобщим вниманием.

Наконец я пересчитала карточки в бумажнике и со злостью закинула рюкзак на плечо.

– Невероятно, – пробормотала я себе под нос. – Просто мать-его-невероятно! Худший день в моей жизни!

И я размашисто направилась прочь. Амон поспешил следом.

– Куда мы идем, Юная Лилия?

– Не знаю, куда идешь ты, но лично я иду домой!

– К себе домой?

– Да.

Амон не отставал ни на шаг, хотя теперь я практически бежала. Добравшись до перекрестка, я вскинула руку, и возле нас немедленно затормозило такси.

– Я бы не доверял этим золотым колесницам, – с опаской сказал Амон, когда я рванула на себя дверцу.

Я глубоко вздохнула.

– Слушай, сейчас тебе лучше всего вернуться в музей. Это почти через дорогу, домах в шести. Спроси смотрителя по имени Тони. Он мой друг. Объясни, что тебе нужно в Фивы, он поможет. Пусть купит еще хот-дог и запишет на мой счет.

– Не понимаю, Юная Лилия. Ты хочешь, чтобы я тебя покинул?

– Именно. Мне нужно домой, принять ванну и как следует выспаться.

– Тогда я пойду с тобой.

– Нет, ты…

– Вы едете или как? – нетерпеливо спросил шофер.

– Придержи колесницу! – заорала я, внезапно пополнив свой репертуар обращений к таксистам.

Тот действительно заткнулся и отвернулся, злобно поглядывая на нас в зеркало заднего вида.

С лица Амона не сходило выражение доверчивого ожидания, и я снова растерялась. Этот день не задался с самого начала, а он еще подлил масла в огонь. Все, хватит, пора покинуть «Восточный экспресс». Последняя остановка. Пассажиров просят забрать вещи и пройти на выход.

Я ожесточенно потерла виски.

– Прости, но я больше ничем не могу тебе помочь. У меня болит голова. Меня чуть не ограбили. Я подарила трем ведьмам шикарный повод для сплетен. У меня в волосах столько электричества, что на макушке впору жарить яичницу. А теперь я вынуждена работать гидом для древнеегипетского фараона. Ах да, прости, я забыла, что ты не фараон. Мне продолжать объяснять, почему я *хочу домой*?

Амон провел подушечками пальцев по моей щеке и с озабоченным видом кивнул:

– Я понимаю. Тебе нужно как следует отдохнуть.

– Ты справишься сам?

– Зло надо мной не властно, Юная Лилия.

– Хорошо.

Только теперь, когда спектакль начал близиться к финалу, я осознала, какую тяжесть несла все это время на своих плечах. Амон сделал пару шагов по тротуару, и я неуверенно прикусила губу.

– Погоди! – я вытащила кошелек и быстро отсчитала несколько двадцаток. – Если захочешь есть или пить, дай продавцу «жареных собак» одну такую бумажку.

– *Hakenew*, – серьезно ответил парень, ударяя по стопке купюр сжатым кулаком. Видимо, у меня на лице отразилась весьма красноречивая гамма эмоций, потому что он счел нужным пояснить: – Так благодарят в моей земле.

– А, понятно. Тогда до свидания. И удачи.

– Пусть удача не покинет и тебя, – важно кивнул он.

Я забралась в такси, захлопнула за собой дверцу и велела водителю ехать к Центральному парку. Тот замешкался, пытаясь развернуться в гуще других машин, и Амон ухватился за полуопущенное стекло возле пассажирского сиденья.

– Юная Лилия!

– Да?

Он одарил меня еще одной солнечной улыбкой.

– У тебя сердце сфинкса.

Я хотела спросить, что это значит, но не успела: такси покатило прочь. Амон стоял и смотрел нам вслед, пока не скрылся из виду. Я знала, что поступаю правильно, но в животе все равно поселился неуютный холодок – как будто я бросила неразумного ребенка посреди каменных джунглей Манхэттена.

Глава 4. Нерушимые узы

Впереди замаячили зеленые кроны Центрального парка, и я попросила таксиста остановиться у отеля «Гелиос», который, как ни странно, служил мне домом. Когда я была маленькой, мы жили за городом, и родителям приходилось каждый день ездить в Манхэттен на поезде. Однако затем мать повысили по работе, отец выиграл крупное дело, и они сменили наш пафосный особняк, в котором можно было заблудиться, на гораздо более пафосный пентхаус, заблудиться в котором было еще проще.

У жизни на Манхэттене – и особенно жизни в отеле – были свои преимущества: горничные, швейцары, охрана, круглосуточное обслуживание комнат, доступ в гостиничный бассейн, сауну и тренажерный зал. Однако это ничуть не помогало мне почувствовать нашу «резиденцию» домом.

Улицы Нью-Йорка никогда не засыпали. Рабочие круглосуточно что-то сверлили, водители сигналили, полицейские свистели, автобусы тарахтели, и вся эта душераздирающая какофония с легкостью взмывала на десятки этажей вверх. Мне оказалось нелегко привыкнуть, что нью-йоркские «дома» – апартаменты – обязательно имеют общие стены с соседями или забегаловками, а в нашем случае – нижними этажами и гостиничным сервисом. И это уже не говоря о том, что родители потрудились превратить нашу квартиру в картинку из журнала – стильную, лощеную и столь же непригодную для жизни. Я не из тех, кто считает, что за оградой трава всегда зеленее. Но временами мне хотелось просто *травы*. Неудивительно, что после переезда я почувствовала себя разочарованной.

В моем понимании, к нормальному дому должны были прилагаться двор, забор и пес. И ни одна из этих карманных собачек, разъезжающих в дамских сумочках! Настоящему дому требовалась настоящая собака – немецкая овчарка или доберман. Такой пес, который при встрече будет слюнявить тебя с головы до ног, рыть ямы во дворе и печально ждать у окна, когда ты уезжаешь на работу.

На бабушкиной ферме всегда жили собаки. Я сохранила самые теплые воспоминания о ее многочисленных питомцах, с которыми мы бегали наперегонки по полю; их мокрые черные носы утыкались мне в ладони, я целовала лобастые головы, безнаказанно играя с висячими ушами, – а воздух вокруг полнился не выхлопными газами, а солнцем, ветром, горьковатым запахом трав и знойным ароматом смолы. Бабушка много лет разводила собак, но с тех пор как ее последний пес, Бильбо, умер от старости, она так и не нашла в себе мужества кем-то его заменить.

Такси затормозило у крыльца отеля, и привратник, проворно сбежав по ступеням, открыл дверцу автомобиля.

– Как прошел день, мисс Янг? – поинтересовался он.

Я ухватилась за предложенную руку в лайковой перчатке и выбралась на тротуар.

– Герб, это был один из худших дней в моей жизни! Если я расскажу, вы даже не поверите.

Тот засмеялся, препровождая меня к массивным золотым дверям.

– Клянусь поверить всему, что вы расскажете. Вы не из тех юных барышень, которые падают в обмороки, лишь бы привлечь внимание.

Я рассмеялась в ответ.

– Сегодня мне и падать в обморок было не надо. Слишком много внимания на меня одну! И что в итоге? У меня адски раскалывается голова, и я душу готова продать за шоколадку. Ладно, хорошего вечера.

– И вам, мисс Янг. Надеюсь, вам скоро полегчает, – и швейцар бросил на меня озабоченный взгляд, прежде чем распахнуть дверь.

– Я тоже надеюсь, – пробормотала я, углубляясь в вестибюль.

Здесь всегда были такие яркие лампы? Я прикрыла глаза, чтобы хоть немного утишить тупую боль, разгоравшуюся где-то за глазными яблоками, и чуть не на ощупь двинулась к частным лифтам. Завидев меня, швейцар по имени Стэн привычно нажал пятьдесят второй этаж.

Понятие скромности нашему пентхаусу было незнакомо. Родители приобрели целый этаж и не пожалели денег на отделку: ковры, выбранные самыми именитыми дизайнерами интерьеров; картины, призванные не столько украшать стены, сколько демонстрировать потенциальным клиентам отца наш доход; даже холодильник, который хотелось почтительно именовать «морозильным кабинетом», – все это было таким же безликим, как и комнаты. Моя спальня составляла единственное исключение. Я выбирала дизайн сама и постаралась превратить ее в по-настоящему комфортное место, где можно спокойно разуться и бросить на стол ключи.

Единственным приобретением родителей, которое я полностью одобряла, была стеклянная люстра Чихули[3] в обеденном зале. Отлитая по собственным, несколько хаотическим законам, она разительно контрастировала с нашим упорядоченным домом. В приглушенно сияющих золотых шарах, застывших между ними лентах и закрученных ракушках читалась дикая, свободная красота. Порой я запрокидывала голову и подолгу стояла так, мечтая, чтобы чья-нибудь искусная рука взяла пригоршню песка из пустыни, в которую превратилась моя эмоциональная жизнь, и переплавила ее во что-нибудь столь же драгоценное и удивительное.

Переступив порог, я первым делом отправилась на кухню.

– Марселла, ты здесь?

Единственным ответом мне было эхо, прокатившееся по бесконечным коридорам и утонувшее где-то в утробе дома. Я достала из холодильника диетический, идеально охлажденный имбирный эль и направилась в свою комнату, которая служила мне единственным убежищем в этом «ледяном дворце». Там я наконец скинула рюкзак и расстегнула ремешки сандалий.

Мне нравилась эта комната. Я выбрала для нее кремовые тона, цвет слоновой кости и нежнейшие оттенки розового. Темно-золотую кровать и тумбочку украшала тонкая резьба, вызывающая ассоциации с викторианской Англией. Четыре столбика, венчавшие углы кровати, были соединены плавными арками, с которых мягкими складками ниспадали полупрозрачные занавеси.

Роль одной из стен исполняло огромное окно, ведущее на мою личную веранду, с потрясающим видом на Центральный парк. Противоположную стену украшали геометрические фигуры: разнокалиберные квадраты и треугольники, отлитые из сахарного, будто заиндевевшего стекла, были подсвечены снизу приглушенным розовым светом.

Быстрый взгляд в позолоченное зеркало подтвердил, что ванна мне не помешает. Я пересекла комнату, утопая в длинном ворсе ковра и на ходу разминая затекшую шею. Плечи задеревенели и ныли – особенно левое. Головная боль усиливалась с каждой секундой, а кожу – будто мало мне других проблем! – начало саднить и покалывать, как если бы я содрала ее, упав с велосипеда. Я нервно облизнула губы и неожиданно ощутила медный привкус крови. Может, это запоздалая аллергия на музейную пыль?

Я вскрыла упаковку ибупрофена и принялась крутиться перед зеркалом, пока не убедилась, что выгляжу отвратительно со всех мыслимых ракурсов.

– Три ведьмы были правы. Ну и видок у тебя, Лилиана! Будто подралась с кошкой.

---

[3] Дэйл Пэтрик Чихули – американский художник-стекловар, знаменитый своими сложными с технической точки зрения инсталляциями из стекла в стиле энвайронмент.

Взмолившись, чтобы ибупрофен как можно скорее оказал свое волшебное действие, я нырнула в огромную ванну и принялась яростно тереть кожу мочалкой. Только погрузившись в горячую пенную воду, я поняла, как же устала. Замотанная в полотенце голова сама откинулась на мраморный бортик ванны, и я не заметила, как уснула. Впрочем, мое забытье вряд ли длилось дольше нескольких минут: вскоре я проснулась, будто от толчка.

Окна в комнате были затонированы таким образом, чтобы в комнату свободно проникали свет и тепло, но никто не мог увидеть меня снаружи. Инистое стекло, окружавшее ванную, так же пропускало свет, но надежно скрывало того, кто принимал душ. Придя домой, я не стала включать люстру, чтобы насладиться теплотой закатного солнца – дорогое удовольствие в городе, застроенном высотками. Пожалуй, в этом заключалось одно из немногих достоинств жизни на пятьдесят втором этаже. Даже сидя в ванной, я могла любоваться тягучими медовыми лучами, которые медленно стекали по стенам и полу, пока не гасли совсем. На какую-то секунду я уловила движение в тенях веранды – но, присмотревшись, решила, что в этой иллюзии виновны облака или растущие тени зданий по другую сторону парка.

– Только паранойи мне и не хватало, – пробурчала я, снова пристраивая затылок на бортике ванной.

Я постаралась успокоиться и расслабиться, но горячая вода, вопреки чаяниям, взбодрила меня. К этому времени сумерки окончательно захватили комнату, слизнув последние крохи солнечного света, и я неожиданно почувствовала себя в ванне, как в саркофаге. В нос ударил сильный аромат благовоний, смешанный с медным запахом крови. Сознание на мгновение рассеялось, и я услышала отдаленные рыдания, а затем вопль.

Я распахнула глаза, судорожно втянула воздух и выпрямилась так резко, что вода плеснулась через бортик, залив мраморную платформу.

Я в ужасе выбралась из ванны и замерла посреди лужи, тяжело дыша и пытаясь успокоить отчаянно бьющееся сердце. Да что со мной такое?! Я никогда не слышала, чтобы мигрень вызывала галлюцинации, – но именно это, надо понимать, со мной и произошло. Если, конечно, я снова не заснула и не увидела кошмар.

Должно быть, во всем виноват низкий уровень сахара в крови. Перед выходом из дома я выпила только чашку чая. Да-да. Дело именно в этом. Мне просто нужно съесть немного шоколада… Но даже найдя своему наваждению более-менее рациональное объяснение, я не могла отрицать, что происходит нечто очень странное.

Наскоро высушив волосы и предоставив горничной Марселле прибирать затопленную ванну – совершенно немыслимый для меня поступок, за который, как я знала, мне еще предстоит поплатиться, – я натянула махровый халат и отправилась к письменному столу.

Первым делом я достала кучу брошюр и проспектов, безнадежно помятых при бегстве из музея. После того как я их разгладила и аккуратными стопками разложила на краю стола, мне стало намного лучше. Вычеркнув из календаря прошедший день, заполнив ежедневник на завтра и разобрав испещренные маркером рекламки университетов, я наконец-то снова почувствовала, что контролирую собственную жизнь.

Возможно, я походила на родителей сильнее, чем мне хотелось бы. Они исподволь меня выдрессировали, дисциплинировали, сделали настоящим маленьким солдатом, который так удачно вписывался в их организованную жизнь. Постепенно я тоже начала понимать прелесть рутины – повседневности, в которой нет места хаосу и беспорядку. И даже если душа моя страстно желала свободы и приключений, поведение никогда не выходило за рамки ежедневника с золотым обрезом.

В конце концов я вытащила из рюкзака блокнот и открыла на той странице, где начала рисовать Амона – не более чем смутный контур, прообраз будущего профиля. Я попыталась закончить набросок по памяти, но после нескольких неудачных попыток расстроилась и все стерла.

Когда это он успел завладеть моими мыслями? Я покрутила в пальцах карандаш, сосредоточилась и все-таки обозначила абрис его головы.

В прихожей, возвещая о возвращении матери, звякнул лифт. Следом по коридору процокали каблуки – четкое, уверенное стаккато. Должно быть, я увлеклась рисунком и потеряла счет времени. Мать заглянула в комнату, и моего обоняния коснулся знакомый цветочный аромат.

– Привет, – сказала я, не поднимая головы от блокнота.

Стаккато прервалось, утонув в густом ворсе ковра.

– Как дела? Герб сказал, у тебя выдался непростой день.

Я неопределенно пожала плечами, стараясь скрыть разочарование. Что ж, это работа Герба. Не стоит на него обижаться.

Мать пересекла комнату и, приблизившись к столу, подцепила брошюру одного из колледжей – по несчастью, именно того, который вызывал у нее наибольшее недовольство. Когда она снова заговорила, ее голос неуловимо изменился.

– Я вижу, ты обдумываешь колледж.

– Ага. Пока ничего не выбрала.

Она мягко сжала мое плечо – скорее повелительный, чем утешающий жест.

– Не сомневаюсь, ты сделаешь правильный выбор, – и она принялась расстегивать ожерелье. – Как прошло собрание по поводу выпускного проекта?

– Закончилось, не начавшись.

– Да, мне сказали.

Я развернулась в крутящемся кресле.

– Правда? Кто?

– Мама Кэсси. Та о тебе волнуется. Сказала, что ты убежала к какому-то парню на улице.

Для родителя, выступающего за максимальную самостоятельность ребенка, она была чересчур уж хорошо осведомлена о моих делах. Я безошибочно расслышала в ее голосе нотку неодобрения и поспешила успокоить мать:

– Боюсь, Кэсси несколько сгустила краски.

– Да? – вот и весь ответ. Этот единственный слог вместил в себя мириады смыслов, десятки русел, по которым могла направиться беседа. Старая телевизионная уловка, чтобы гость почувствовал себя неуютно, начал заполнять молчание первым попавшимся бредом и, возможно, выболтал что-нибудь ценное. Я прекрасно знала об этом трюке, но все равно заглотила наживку.

– Ну, про парня на улице – это правда. Только вот Кэсси, наверное, не сказала, что его сбила машина. Он был в ужасном состоянии.

– И ты решила помочь, – мать приподняла брови, предоставив мне самостоятельно добавить к этой фразе точку или знак вопроса.

– У меня не было выбора, – честно ответила я.

– А как же полиция? Кто-нибудь вызвал «Скорую»?

– Не знаю. Он ушел прежде, чем приехали медики.

– Я думала, он был в ужасном состоянии.

– Да, но он… уковылял, – мой голос предательски дрогнул.

Мать склонилась над столом и провела пальцем по странице блокнота.

– Это он? Тот загадочный юноша?

Я кивнула и будто невзначай дернула локтем, прикрыв несколько строк внизу листа. Оставалось надеяться, что этот жест не вызовет особых подозрений.

– Гм. Возможно, мне стоит сделать несколько звонков. Его найдут и окажут необходимую медицинскую помощь.

Похоже, она собиралась сделать Амона *своим* делом. Я не могла этого допустить. Вряд ли она стала бы ему вредить, но моя мать жила с убеждением, что каждый человек должен находиться на своем месте. Даже если это место окружено ватными стенами.

Может быть, Амон действительно сбежал из психушки. Но идея вернуть его туда почему-то вызывала у меня чувство сопротивления. Я знала, что открытый спор сделает только хуже, поэтому с трудом сглотнула и неожиданно пискляво выдавила:

– Я уверена, ее уже оказали.

Я в панике наблюдала, как мать колеблется, разглядывая рисунок. Что, если она заберет блокнот? Однако вместо этого она закрыла обложку и отодвинула его на край стола.

– Ты знаешь, как снисходительно я отношусь к твоим маленьким увлечениям, – начала она. – Я просто не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности в погоне за… удачным ракурсом. Понятно?

Последнее слово прозвучало отчасти приказом, отчасти предупреждением, отчасти просьбой. Я улыбнулась и покачала головой, показывая, что нотации излишни.

Несколько секунд она рассматривала меня в упор, словно пытаясь вскрыть черепную коробку и вытащить оттуда все секреты до единого. Я уже успела вообразить худшее – что мать запросит у музея запись аварии, – когда она ощутимо расслабилась и одарила меня своей фирменной телеулыбкой.

До тех пор пока я не переходила некие границы, я могла успешно совмещать мир родителей и свой. Происшествие с Амоном было самым опасным и одновременно волнующим, что случалось со мной за всю жизнь. Я искренне желала ему вернуться домой – и подозревала, что с помощью матери это получится быстрее, – но при этом хотела оставить события сегодняшнего дня своим и только своим секретом.

– Что ж, в семье не без гуманиста, верно?

Я кивнула и поспешно преобразовала невольную гримасу в улыбку, надеясь, что мать не заметит разницы.

– Не забудь переназначить встречу, – продолжила она. – Ты знаешь, как это важно для отца.

– Конечно. Разумеется. Я сегодня же позвоню всем ведьм… девочкам.

Глаза матери опасно сузились, но она предпочла великодушно проигнорировать колкость, едва не сорвавшуюся с моих губ.

– Умница, – и она похлопала меня по щеке, будто призового пони, после чего наконец растворилась в темноте.

Убедившись, что допрос окончен, я медленно выдохнула, поднялась из-за стола – и тут же застонала, схватившись за поясницу. Я чувствовала себя старухой. Хуже того – старухой, которая три часа гналась за автомобилем. В спину то и дело вонзались горячие иглы боли, отчего по всему телу разбегались неуютные мурашки. Я что, упала в музее на дикобраза?

К этому времени чувство голода загадочным образом притупилось, так что я решила пропустить ужин и лечь пораньше. Какой бы камушек ни застрял в шестеренках у меня в голове, я надеялась, что он выскочит во время сна. Так что я откинула шелковый полог, забралась в постель и закрыла глаза, предвкушая долгожданный отдых.

Не тут-то было. Вместо сладких сновидений сознание наводнили на редкость странные кошмары. Большие разноцветные жуки взбирались по моим рукам, сколько бы я их ни стряхивала. Затем я обнаружила, что тону в мутной реке, полной крокодилов. Когда я уже решила, что лимит кошмаров на сегодня исчерпан, мне привиделась тьма, в которой таилось неведомое зло. Оно собиралось отравить нечто прекрасное и драгоценное, и я ничего, совсем ничего не могла с этим поделать.

* * *

Я рывком села в кровати – и тут же заметила смутное движение за витражными дверями. Начинался рассвет. Занавески слегка колыхались на свежем ветру, далеко внизу раздавались успокаивающие гудки автомобилей. Должно быть, я вчера открыла дверь на веранду и потом забыла ее запереть.

Я сунула ноги в мягкие тапочки, накинула халат и отправилась приветствовать солнце. Кованую мебель дворика усеивала роса. Я вдохнула аромат цветов в длинных керамических горшках вдоль перил и потерла голову огромного сокола, которого владельцы отеля установили здесь задолго до нас.

Я верила – хотя никогда бы не призналась в этом родителям, – что такой нехитрый жест приносит удачу. Четыре каменные птицы охраняли отель с юга, востока, запада и севера. Мой личный сокол смотрел на Центральный парк, и мне нравилось думать, что вместе с гостиницей он защищает и меня тоже.

Первые лучи солнца покрыли мои руки хрупкой позолотой. Тело по-прежнему ломило, а в черепе затягивался узел мигрени, но солнечный свет будто вымывал из меня боль. Я услышала за спиной хлопанье крыльев и немедленно прогнала бы голубей, если бы нашла в себе силы отказаться от этих ощущений.

Я глубоко вздохнула, положила руки на перила и закрыла глаза, отдаваясь теплым волнам света, – как вдруг у меня над ухом раздался слишком хорошо знакомый голос:

– Солнце придает нам сил, Юная Лилия. Как я связан с тобой, так и ты связана со мной.

Глава 5. Пир в Новом царстве

Я резко обернулась.

– Амон? – неверяще прошептала я. – Что ты тут делаешь? Хотя нет, постой. Как ты сюда вообще попал?!

И я с беспокойством оглянулась на дверь в комнату. Вряд ли родители или Марселла стали бы шпионить за мной в такой час, но кто знает…

– Ты нужна мне, Лилия, – ответил он просто.

– Нет, тебе нужно домой, – прошипела я. – Слушай, давай я позвоню в полицию, и они найдут кого-нибудь из твоих знакомых.

Я уже направлялась к выходу с веранды, как вдруг меня остановило тихое:

– Нет.

В ту же секунду сознание затопил парализующий туман – как вчера, на улице, когда я попыталась от него сбежать. Я усилием воли запретила себе думать о полиции и мгновенно обнаружила, что ноги снова мне повинуются.

Я обратила на Амона вопросительный взгляд и без слов ощутила его эмоции.

– Тебе некуда идти, да?

– Мой дом давно обратился в пыль.

Я помотала головой.

– Ты управляешь мной при помощи гипноза?

– Что это такое?

– Ну, контролируешь мой разум, как Дракула – Ренфилда[4].

Он несколько секунд неотрывно смотрел мне в глаза, после чего вскинул брови, как будто обнаружил ответ в глубине зрачков.

– Понимаю, – наконец сказал он и, заложив руки за голову, уселся на кушетку. – Верный ответ – нет, не совсем. У меня никогда не было намерения делать тебя рабом своей воли, Лилия.

Рассветные лучи невесомым коконом окутывали тело Амона, заставляя его светиться собственным теплым сиянием. Все происходящее было странным, нелогичным, неправильным. Как он попал на веранду пятьдесят второго этажа, миновав швейцаров и охрану? И все же я с удивлением поняла, что рада его видеть – маньяк он или нет.

Будь я чуть благоразумней, непременно вызвала бы полицию или службу безопасности отеля. Но сейчас мне меньше всего хотелось это делать. Все, что я испытывала, – невероятное облегчение от того, что Амон жив и здоров. Кажется, он тоже обрадовался, найдя меня невредимой.

Впрочем, тревожный колокольчик в глубинах подсознания настойчиво напоминал, что Амон сказал «не совсем». Он *не совсем* меня контролирует. Значит, мы все же связаны? Что, если он внушил мне и симпатию к себе? Я правда ему доверяла – или мне было приказано ему доверять? Если полагаться на собственные эмоции нельзя, на что вообще я могу положиться?

Я сделала пару шагов и замерла, ощущая себя в совершенном раздрае. Восходящее солнце омывало Амона, плескалось вокруг него, словно золотой прибой. Странно, но я могла поклясться, что он поглощает тепло. Холод, пропитавший меня еще в ванне, так и не ушел – хотя, ложась спать, я старательно закуталась в пуховое одеяло. Амон притягивал меня, словно живое солнце. Он казался воплощением жаркого летнего дня, горячего песка, тропического моря и бриза. Наверное, коснуться его было все равно что завернуться в три одеяла.

[4] Ренфилд – пожилой пациент лечебницы для душевнобольных, один из персонажей романа Брэма Стокера «Дракула».

Словно почувствовав мои мысли, он повернул голову, улыбнулся – белые зубы ослепительно блеснули на фоне загорелой кожи – и протянул руку. Искушение принять ее было почти неодолимым, но я все же сцепила зубы, напомнила себе, что это манипуляция, и осталась на месте.

– Я жду ответа на свой вопрос. Как ты сюда попал?

Амон опустил руку и нахмурился.

– Стражник золотого ящика указал мне дорогу.

– Стэн? – я недоверчиво покачала головой. – Нет. Это невозможно.

Амон смерил меня долгим взглядом и тяжело вздохнул:

– Ты даже не представляешь, сколь многое возможно.

Да уж. Тревожный колокольчик в голове превратился в набат. Надо бежать.

Я сделала несколько осторожных шагов к стеклянной двери.

– И чего ты от меня хочешь? Зачем преследуешь?

– Мы… связаны, Лилия.

– Связаны, – повторила я безо всякого выражения.

– Да. Я сотворил заклятие, привязавшее мою Ка к твоей.

– Твою Ка? Это что еще за чертовщина?

– Ка – это…

Подыскивая объяснение, Амон поднялся с кушетки и направился к перилам, отчего юбка слегка взметнулась вокруг его мускулистых бедер.

Когда он отвернулся, выяснилась еще одна любопытная вещь: широкая спина и фигурные бицепсы отдельно взятых психов воздействуют на меня ничуть не хуже, чем их же грудь. Я в который раз потрясла головой, словно надеясь вытряхнуть из нее проклятый гипноз. Неужели Амон и правда был самым симпатичным парнем, которого я встречала? Или это очередные манипуляции с моим сознанием?

Амон обернулся – и, видимо, заметил, как мой взгляд панически переметнулся с его груди на лицо. Я тут же залилась краской. На этот раз у меня не было ощущения, будто он читает мои мысли или вкладывает в голову чужие. Я вдруг подумала, что моя симпатия к этому сталкеру может быть вполне искренней, и нахмурилась.

– Ка – это жизненная сила, – продолжил он. – Моя жизненная сила связана с твоей.

– Все равно не понимаю. Ты имеешь в виду, что мы… духовная пара?

– Пара? – на этот раз краской залился он. – Нет! Не в этом смысле.

Я не удержалась и, хихикнув, быстро прикусила губу. Я и сама не понимала, радоваться или огорчаться тому обстоятельству, что он даже не рассматривал меня в таком качестве.

Амон внезапно занервничал и опустил глаза.

– Твои… – он указал на мое туловище, – внутренности – желудок, легкие, печень, кишки, даже сердце – привязаны к моим. Вчера эта связь причинила тебе боль. Прости. Я был в отчаянии. Видишь ли, мне не выжить в этом мире без своих каноп, поэтому…

Я вскинула голову.

– Подожди. Минутку. Пожалуйста, – сказала я, подчеркивая паузой каждое слово. – Ты говоришь, что позаимствовал мои внутренности, потому что не можешь найти свои погребальные сосуды?

– Да.

– Ты серьезно?

– Да.

Я пристально всмотрелась в лицо Амона, но в нем не читалось и следа лжи. Хорошо. Раз уж мы выяснили, что он сумасшедший, можно ненадолго отложить этот факт в сторонку и попытаться выяснить, что потерялось при переводе. По крайней мере, теперь у меня были зацепки.

– И ты говоришь, что вчера мне стало плохо из-за твоего заклятия?

– Именно.

– Значит, ты у нас… охотник за органами? Вроде вампира?

Такую версию я хотя бы могла понять – если и не поверить.

– Я не знаю, что такое «вампир».

– Да ладно! Такие стремные чуваки из склепов. Пьют кровь. Превращаются в летучих мышей. Ненавидят чеснок. Избегают солнечного света, потому что начинают на нем искриться… А нет, это уже из другой оперы. Так, забудь все, что после чеснока!

– Я не избегаю солнечного света. Напротив, он придает мне сил. И я не пью кровь.

– Ага. Значит, ты… – я воспользовалась уловкой матери и выжидающе замолчала, но Амон только недоуменно вскинул брови.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – вздохнула я, решив, что сарказм в любом случае лучше паники. – Продолжи фразу. Ты: а) сумасшедший; б) мигрант из Каира; в) убийца, занимающийся продажей органов на опыты; г) порождение фантазии Лили. Итак, время пошло, ваш ответ?

Амон нахмурился.

– Я не сумасшедший, Лилия. Кто такой «мигрант», мне неизвестно. И я отнимал жизнь только у порождений зла, противных всем людям.

Я уже открыла рот, чтобы поподробнее расспросить об этих «порождениях зла», как вдруг парень сделал шаг вперед, и я снова обнаружила, что не могу двинуться – хотя набат в голове почти сменился аварийной сиреной. В следующую секунду Амон коснулся моей щеки и взглянул на меня глазами зелеными, словно ирландские холмы.

Я ощутила уже знакомый аромат его кожи – горячая смола с нотками шерсти и пропитанной солнцем мирры. Мне нравился этот запах. Очень. Хоть я и сопротивлялась. Щека пылала в том месте, где ее касалась ладонь Амона, но я не могла отвернуть голову, не могла даже отвести взгляда.

– Теперь ты веришь, что я настоящий человек, а не образ из твоих снов? – очень серьезно спросил он.

В горле пересохло. Я попыталась сглотнуть комок и ответить, но тут мой взгляд упал на пухлые губы Амона – так что я лишь неопределенно кивнула. Впрочем, как я осознала секундой позже, у меня все равно не было ответа на этот вопрос.

Ладонь Амона соскользнула со щеки к подбородку. Слегка приподняв его кончиками пальцев, он еще несколько секунд вглядывался в мое лицо.

– Не нужно бояться, Лилия. Ты пострадала из-за меня. Позволь мне помочь.

Эти слова послужили своеобразным спусковым крючком: горячая пульсация в затылке, ноющая боль в руках и ногах, тошнотворный узел в желудке, о которых я старалась не думать, в одночасье затопили сознание, заслонив свет и лицо Амона. Я смущенно кивнула, не зная, что он собирается делать, но почему-то доверяя ему.

Амон шагнул еще ближе, так что теперь я видела в основном бесконечную обнаженную грудь. Ему не было нужды меня обнимать: оставшиеся между нами сантиметры и так были наэлектризованы горячими искрами – будто я, решив повторить подвиг Икара, поднялась к самому солнцу, и теперь меня пронизывали его тонкие сияющие стрелы.

Амон закрыл глаза и взял мою шею в ладони. Где-то на задворках сознания промелькнула паническая мысль, что сейчас он меня задушит, но движения парня были бережными, словно он держал бабочку. Затем он начал что-то бормотать себе под нос, и я почувствовала, как ладони нагреваются, словно он смазал их гелем от растяжений. Не прошло и минуты, как по телу прокатилась волна жара – вымывая из конечностей боль и даря им блаженное оцепенение.

Стоило Амону поднять глаза, как мне стало ясно, какую цену он заплатил за это чудо. Еще недавно золотистая кожа приобрела болезненный серый оттенок, а зеленые глаза потемнели, будто лесной родник наводнили бурые водоросли. Амон пошатнулся и рухнул на ближайшую скамейку. Грудь парня тяжело вздымалась и опускалась, воздух выходил из легких с присвистом, будто он только что бежал марафон.

– Что ты сделал? – спросила я, пытаясь как-то уложить в голове эту картину.

– Вернул часть украденной силы. Увы, это лишь временное облегчение.

– Временное?

– Да. Боль вернется, но в следующий раз я разделю ее с тобой. И буду делить так долго, как смогу. Поверь, я никогда не желал, чтобы ты познала мою судьбу.

– Слушай, фаталист, я чего-то не понимаю. Пока мне очевидно только то, что ты применил… гипнотерапию? И теперь мне гораздо лучше. Так что спасибо.

И я, поколебавшись, присела на подушку рядом. Воздух вокруг Амона был напоен горечью. Если на минутку отставить здравый смысл и предположить, что он сказал правду и мы паранормально связаны, эта горечь – теоретически – могла исходить от него. Боль. Усталость… И что-то еще. Что-то, спрятанное под сияющими покровами. До меня наконец дошло: одиночество. Впрочем, стоило мне ухватить эту эмоцию, как она тут же пропала – будто Амон задернул ширму на своей душе.

– Не стоит всматриваться слишком пристально, Юная Лилия, – Амон откинул голову на подушки и добавил уже мягче: – То, что ты увидишь, может тебе не понравиться.

Он закрыл глаза, и длинные ресницы отбросили едва заметные тени на смуглые скулы. Я не сдержалась и положила ладонь ему на лоб. Кожа парня, еще секунду назад лучившаяся теплом и светом, была холодна, как лед.

– Ты замерз, – констатировала я, бросилась в спальню и стащила с кровати пуховое одеяло. Затем на всякий случай заперла комнату изнутри и вернулась на веранду. Как следует укутав Амона, я скептически уточнила: – Ты серьезно веришь, что солнце придает тебе сил?

– Да, Лилия, – еле слышно прошептал он.

– Отлично. Тогда давай-ка пододвинем тебя на солнышко.

Я все еще не понимала, что сделал со мной Амон, но его неожиданная слабость парадоксальным образом усилила нашу связь. Она была мягкой, но теперь я ни на секунду не переставала ее ощущать. На меня словно накатывали маленькие волны – не болезненные, но потихоньку выпивающие силы.

– Ты рассуждаешь верно, – сказал Амон, когда я подтолкнула его к дальнему концу скамейки, залитому солнечным светом. – Но я постараюсь заимствовать у тебя как можно меньше сил.

– Ты читаешь мои мысли?

– Я читаю тебя так же, как ты читаешь меня, – ответил он уклончиво, а затем, помедлив, добавил: – Спасибо тебе, Лилия.

Солнце и в самом деле его оживило. Разница была заметна даже на глаз. Связывающая нас нить тоже начала истончаться, пока я почти ее не потеряла.

– Ладно, – решила я после нескольких минут молчания. – Думаю, это какая-то индивидуальная реакция. Вроде аллергии на солнце, только наоборот. Ты не выносишь тень.

Но если это и правда была индивидуальная реакция, как Амон смог поделиться со мной своим теплом?

– Ты сказал, что заимствуешь мою энергию.

– Да.

– И вчера, когда тебя сбил автомобиль, ты забрал часть моих сил, чтобы излечить свои раны. Это так?

– Отчасти. Ты – пуповина, связывающая меня с этим миром. Якорь для лодки. Чтобы полностью восстановить силы, мне нужно собрать себя воедино. До тех пор я останусь привязан к твоей Ка.

Этот разговор становился бредовее с каждой секундой.

– Ммм… Хорошо. Итак, твое тело – вроде солнечной панели, ты исцеляешься за счет энергии солнца, но чтобы полностью выздороветь, тебе нужна пересадка органов, а до тех пор я работаю твоим персональным «энерджайзером».

Я не замечала, как отчаянно жестикулирую, пока Амон не поймал мои ладони в воздухе.

– Лилия, твои слова приводят меня в смятение. Я и правда получаю силы от солнца, но их недостаточно, чтобы выполнить предначертанное в отпущенное для этого время. Если мне не удастся найти канопы с остатками своей сущности, я скоро умру.

– Ты умираешь?

Он кивнул.

– Слишком рано. Мне нужно продержаться в этом мире, пока я не исполню то, что должен.

Ох.

Мои неосознанные попытки намеками и шутками вернуть его в рассудок тут же потеряли всякий смысл. Я и не подозревала, насколько серьезно его состояние. Что ж, пора выводить на сцену практичную и здравомыслящую Лили.

Я сжала его ладонь.

– Конечно. Ты слишком молод, чтобы умирать.

Все внезапно встало на свои места. Я по-прежнему считала Амона психом, но теперь, по крайней мере, знала, что он неизлечимо болен. Если парню предстояла пересадка органов, его наверняка накачивали лекарствами. От такого у любого поехала бы крыша.

Должно быть, врачи испытывали на нем какие-то нетрадиционные методы. Это объясняло его одержимость солнечным светом и идеями чудесного исцеления. Надо понимать, кто-то из персонала не уследил за пациентом, и он отправился бродить по Нью-Йорку в килте, сооруженном из простыни или больничной пижамы. Это объясняло и босые ноги, и бритую голову. Возможно, добраться до музея было его предсмертным желанием, которое он и сам уже не сознавал?

– Лилия?

Простой звук моего имени тут же остановил шестеренки, бешено крутящиеся в голове.

– Да, Амон? – ответила я с извиняющейся улыбкой.

– Я чувствую твои мысли. Ты права, мое тело ослаблено, но разум свободен от недуга. Мне отпущено мало времени в этом мире. И пока оно не истекло, я должен найти свои канопы и совершить то, что предначертано. Если бы мне удалось пробудить братьев… Они помогли бы довести начатое до конца. Но я не сумею найти их без твоей помощи.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе найти братьев?

– Да.

Меня затопило облегчение.

– Конечно. Я сделаю все, что смогу. Они были с тобой в музее?

Амон покачал головой.

– Они потеряны, как и я.

Значит, он хочет напоследок встретиться с братьями. Что ж, хоть какая-то определенность.

Я на минуту оставила Амона на солнцепеке, сходила в спальню и вернулась с блокнотом и верным механическим карандашом.

– Давай начнем с имен.

Он кивнул.

– Одного зовут Астен.

Я записала: *Астен*.

– Он сын Халфани.

– Отлично. Значит, его фамилия – Халфани.

– Нет, это его отца зовут Халфани.

– Хорошо, хорошо, – я ободряюще улыбнулась и медленно повторила: – Так как его фамилия?

Глаза Амона сузились, но он все же ответил на мой вопрос.

– Он известен только как Астен. Хотя иногда его называют Небесным магом или Космическим сноходцем.

– Гм… ладно.

Я приписала под именем: «м.б., фокусник; проверить Вегас», после чего сосредоточилась на втором брате.

– Его имя – Амоз, и когда-то он был принцем Васета.

– Васет… Это страна?

– Раньше это был великий город.

– Понятно. Продолжай, – попросила я, быстро записывая: «м.б., политик».

– Еще он известен как Великий целитель и Повелитель зверей и бурь.

– Ясно, – я перечитала написанное, зачеркнула «м.б., политик» и дописала: «м.б., ветеринар или метеоролог». – Когда ты видел их в последний раз?

– Тысячу лет назад.

– Ага…

Некоторое время тишину нарушал только скрип карандаша по бумаге.

Дописав, я захлопнула блокнот и преувеличенно бодро заявила:

– Отлично, теперь нам есть, с чего начать! – я мягко сжала плечо Амона. – Обещаю, я сделаю все, чтобы помочь тебе разыскать братьев и выполнить… предначертанное.

– Спасибо, Юная Лилия.

– Всегда пожалуйста. А пока… Как ты смотришь на утреннее *питание*? – и я, запнувшись, быстро добавила: – Тебе можно твердую пищу?

Скормить хот-дог больному раком! О чем я только думала?

– У тебя есть хот-дог? – оживился Амон, будто прочитав мои мысли.

– Честно говоря, хот-доги не очень… питательны. Здесь их нет, но я закажу тебе что-нибудь получше. Что-нибудь мягкое, для твоего желудка.

– Мои зубы в порядке. Каша мне не нужна. Обычно мое прибытие приветствовали пиром и песнями, но ты можешь спеть мне в другой раз. Клянусь, сейчас я голоднее изгнанного из стаи шакала – и не променяю пир на любые увеселения, как бы хороши они ни были.

– Отлично, тогда песни отложим. Думаю, пир я тебе смогу устроить. Посиди тут на солнышке, я скоро вернусь.

Амон молча кивнул. На лице у него читалась неподдельная усталость.

Я осторожно закрыла дверь на веранду, задернула занавески и отправилась на кухню. По пути я задержалась перед зеркалом. Волосы падали на плечи густой спутанной массой, но взгляд голубых глаз был живым и пронзительным, а щеки казались слегка загорелыми.

Двойник, улыбнувшийся мне из зазеркалья, был совсем не той элегантной, собранной, дисциплинированной Лили, к которой я привыкла. Сейчас он выглядел диким, взбудораженным… пожалуй, даже немного безумным. Я глубоко вздохнула, по мере сил пригладила волосы и направилась на кухню. Там было пусто – видимо, родители уже уехали на работу. Секундой позже до меня дошло, что у Марселлы сегодня тоже выходной. Идеально.

Я позвонила в обслуживание номеров, продиктовала заказ и вернулась на веранду.

– Ну как, напитался солнцем?

– Насколько это возможно.

– Отлично. Тогда пойдем внутрь.

Амон проследовал за мной в комнату, с любопытством глядя, как я хватаю висящий на кресле черный кружевной бюстгальтер и вместе с одеялом бросаю их бесформенной кучей на кровать.

– Гм… Завтрак будет через полчаса или около того. Думаю, я присмотрю тебе какую-нибудь одежду в отцовском гардеробе. Не хочешь пока принять душ?

– Душ?

– Или ты предпочитаешь ванну?

– А, понятно. После долгой дороги я бы не отказался от омовения.

– Хорошо. Ванна – вон там.

Амон бросил на меня озадаченный взгляд, но я решила, что уж с этим он как-нибудь разберется сам, и отправилась в спальню родителей.

Она была еще больше моей, а за дверью гардероба скрывался вход в настоящую Нарнию. Я знала, что в дальних шкафах хранятся старые джинсы и футболки, которые отец больше не носит, и направилась прямиком туда. Хорошенько покопавшись на полках, я на глаз выбрала пару кед, носки, рубашку для гольфа, брюки вроде спортивных и легкую ветровку. Я уже выходила с этим богатством из спальни родителей, когда вдруг сообразила, что Амону еще понадобится нижнее белье.

Если бы вчера кто-нибудь сказал мне, что я буду рыться в ящике с отцовскими трусами, я бы рассмеялась ему в лицо. Однако я почувствовала себя еще более неловко, когда начала прикидывать, какая пара подойдет Амону. Чуть не сгорев от стыда в процессе, я наконец остановила свой выбор на эластичных боксерах среднего размера.

Стоило мне перешагнуть порог своей спальни, как в уши ударил рев Ниагарского водопада. Я бросилась в ванную и обнаружила, что Амон выкрутил все краны до упора и теперь с восторгом любуется на свое отражение в раковине.

– Эта ванная… – он запнулся, подбирая слово, – невероятна.

Я поспешно завинтила кран над раковиной.

– Полностью согласна. Вот твоя новая одежда. Ты уже решил, будешь принимать ванну или душ?

– Что такое душ?

Я указала на кабину с массажным душем, который сейчас изрыгал струи из всех возможных отверстий. Амон с интересом на него взглянул, но потом развернулся к ванне и начал возиться с узлом на боку юбки.

Я торопливо отвернулась – и тут же невольно вскрикнула, лицом к лицу столкнувшись с его отражением в зеркале. Это отражение продолжало разоблачаться, ничуть не смущаясь моим присутствием. Я крепко зажмурилась.

– Эй, притормози! Ты можешь хотя бы дождаться, пока я уйду?

– Зачем тебе уходить?

– Надо понимать, о приличиях ты тоже не слышал.

– При… личиях?

– Угу. Египетские боги явно забыли тебя ими укомплектовать.

– Не понимаю. Кто же тогда будет меня мыть?

Я не удержалась от нервного смешка.

– Гм… Ты сам?

Я так и не рискнула открыть глаза, поэтому вслепую нащупала раковину и по стенке добралась до двери.

– Амон, я понимаю, что в больнице тебе помогали нянечки, но эту роль я на себя взять не готова. О’кей?

Я безошибочно услышала шелест, с которым падает ткань на мраморный пол, а потом глухой всплеск – Амон забрался в ванну.

– Хорошо, Лилия. Не будем нарушать при… личия.

– Спасибо.

Я отошла на расстояние, с которого, как я знала, мне будет видна лишь его голова, и только тогда открыла глаза.

– Держи, – я бросила Амону мочалку и кусок мыла. – Для массажа вдави кнопку слева. Прямо рядом с твоей рукой.

Выражение лица, с которым Амон следил за забурлившей водой, сполна возместило мои недавние мучения.

– Полотенца – на сушилке слева от раковины. Завтрак будет минут через двадцать, – я захлопнула за собой дверь и, повысив голос, строго добавила: – И не вздумай выходить, пока не оденешься!

Не успела я прибрать комнату, как телефон разразился трелью, возвещая, что еда готова. Я встретила горничную у лифта, расписалась в получении заказа и покатила тележку на кухню.

– Я позвоню, когда можно будет забрать посуду, о’кей?

– Конечно, мисс.

На кухне я сервировала два места, достала из холодильника молоко и несколько фруктовых соков и нашла в шкафу пару чашек для горячего шоколада.

– Амон! – крикнула я, переставив все блюда с тележки на стол. – Завтрак готов! Ты оделся?

Я чуть не подпрыгнула, когда ответ раздался прямо у меня за спиной:

– Я в затруднении.

– Господи, как ты меня напугал! – я обернулась и тихо ойкнула. В одной руке Амон сжимал кеды, а другой придерживал кое-как натянутые штаны. – Гм… Сидят слишком свободно, да?

Вместо ответа Амон разжал пальцы, и штаны тут же сползли ему на бедра. Белых боксеров я под ними не обнаружила.

– А где остальная одежда, которую я тебе дала?

– Я счел эту самой подходящей. Она прикрывает больше всего.

– Гм, да. С этой точки зрения ты сделал идеальный выбор. Но я надеялась, что ты наденешь *все* вещи.

– Все? – Амон озадаченно оглядел мою фигуру, по-прежнему затянутую в махровый халат. – Но ты столько не носишь.

– Когда сплю. А когда я собираюсь на улицу, то надеваю такую же одежду, как та, которую я тебе дала.

– Хорошо. Можно сперва поесть?

– Конечно. Присаживайся.

Я дождалась, пока он займет предложенный стул, и принялась театрально снимать крышки с блюд. Кухня наполнилась дразнящими ароматами еды.

– Вот. Завтракай, а я пока оденусь. И я принесу тебе остальную одежду, ладно?

Амон, который потрясенно созерцал стол, едва кивнул.

Я оделась в стиле «изящная повседневность» и по пути на кухню не удержалась от искушения покрутиться перед зеркалом. Глаза моего двойника по-прежнему горели живым блеском, но теперь я выглядела куда более собранной и подтянутой, похожей на обычную себя.

Вернувшись на кухню, я бросила одежду Амона на соседний с ним стул – и чуть не сложилась пополам от смеха. Родители наверняка вытаращат глаза, когда будут просматривать историю заказов, но выражение лица моего гостя заранее окупило возможные неудобства. Он хотел пира – и он получил пир, достойный «списка предсмертных желаний».

Амона окружали яйца, приготовленные восемью разными способами, картофельные оладьи, домашняя ветчина, жареный картофель, сосиски, запеченные с яблоками, колбасная нарезка, блинчики с карамелью и взбитыми сливками, французские тосты с крем-брюле, бельгийские вафли, две отдельные корзинки с фруктами и круассанами и ежевичные кексы с сахарной присыпкой. Если бы он не нашел среди них что-то себе по вкусу, мне пришлось бы признать, что он безнадежен.

– Ну, что тебе понравилось больше всего?

– Всё, – ответил Амон с набитым ртом. – Садись, Лилия. Поешь.

И он, выдвинув стул, чуть не силком заставил меня сесть рядом. Я взяла из корзинки несколько фруктов и принялась меланхолично грызть яблоко, пока Амон то ли во второй, то ли уже в третий раз наполнял свою тарелку.

Внезапно он замер и скосил на меня глаза.

– Почему ты не ешь?

– Слишком много углеводов.

– Что такое углеводы?

– Ну… От них толстеют.

– Но ты не толстая. – И Амон придирчиво оглядел меня с головы до ног, отчего я почувствовала себя немного неловко. – Наоборот, слишком худая. Поешь.

И он, схватив столовую ложку, с горкой наполнил мою тарелку.

– Ладно-ладно! – я примирительно подняла ладони. – Хватит уже!

Амон что-то неразборчиво проворчал и вернулся к трапезе. Впрочем, это не мешало ему бросать в мою сторону неодобрительные взгляды и подкладывать еды в тарелку, стоило ей опустеть хоть на сантиметр.

– Я больше не могу, – простонала я, когда он снова взял на себя роль заботливой бабушки. – Обычно я только пью чай на завтрак!

– Чай – это не еда.

– Но мне больше ничего не надо!

– Неправда. Женщинам нужен не только чай, – возразил Амон, глядя мне прямо в глаза. На секунду мне показалось, что наш разговор странным образом отошел от темы завтрака, и я снова почувствовала себя неуютно. Амон будто разглядывал меня изнутри. Похоже, мы вкладывали в слова «голод» и «питание» разный смысл.

– Гм… Может, ты и прав, – ответила я, отводя взгляд.

Насытившись, парень откинулся на спинку стула и заявил, что готов приступить к поискам братьев. За этим последовала довольно сумбурная попытка одеться. Амон сразу же запутался в рукавах футболки, так что мне пришлось ему помочь. Стоило моим пальцам пару раз коснуться его груди, как щеки снова залила краска. Наконец футболка заняла надлежащее место.

Помогая Амону просунуть руки в ветровку, я заметила, что штаны по-прежнему болтаются у него на бедрах, и выразительно прокашлялась. Парень был совершенно заворожен капюшоном куртки, но все-таки опустил на меня взгляд.

– Гм… Твои штаны… Здесь резинка, видишь? На поясе. Ее нужно затянуть.

С третьей попытки уяснив назначение резинки, Амон схватил ее и потянул сначала в одну сторону, потом в другую. Я решила, что с носками он как-нибудь справится сам, и вернулась в спальню собрать все необходимое для экспедиции.

Первым делом я сунула в рюкзак ноутбук, мобильный телефон, зарядку, блокнот и бумажник. Потом вернулась на кухню и прибавила к ним пару бутылок минералки. Амон выудил из порядком опустевшей корзинки несколько яблок и апельсинов, и сверху как раз осталось место для пачки печенья. Я закинула рюкзак за спину и присела на корточки, помогая Амону зашнуровать кеды.

Ну, и куда теперь? Конечно, самым логичным было бы отвести его в больницу рядом с музеем и расспросить медсестер, не пропадали ли у них недавно пациенты. Но тогда у Амона не останется шансов найти братьев – санитары просто скрутят его и накачают лекарствами. Эта мысль почему-то вызывала у меня отторжение.

– Ты готова, Юная Лилия? – парень протянул мне руку, помогая подняться.

– Спасибо. Да, готова, если ты готов.

– Прекрасно.

И Амон, не выпуская моей ладони, сделал шаг навстречу. В следующую секунду он притянул меня за талию и очень серьезно попросил:

– Прижмись покрепче.

– Амон! Что ты…

Вопрос оборвался криком, когда вокруг нас взметнулся песчаный вихрь. В кожу словно впилась сотня булавок. Я с ужасом смотрела, как погружаюсь в пол, теряя себя в завывании ветра. Очередной крик умер, не родившись: у меня больше не было горла.

Я в ужасе принялась размахивать руками, надеясь ухватиться за стол, стул, хоть что-нибудь… И в ту же секунду почувствовала, что не одна. Я не видела Амона, но всем телом ощущала его близость. Он держал меня крепко, но бережно, как недавно на веранде. Я не успела решить, что чувствовать по этому поводу, – перед глазами сомкнулась удушливая темнота, и я с головой провалилась в зыбучий песок.

Глава 6. Обнажая правду

Сквозь темноту пробился солнечный луч. Еще мгновение назад меня не существовало на свете, а теперь я чувствовала теплое объятие Амона и его ладонь вокруг моей. Песчаный вихрь замедлился и начал сгущаться, заново вылепляя мне ноги, руки и туловище. Я не особо надеялась, что найду себя в том же виде, но, приоткрыв один глаз, с облегчением обнаружила кожу на месте. Причем она не только не была иссечена острым песком, но даже казалась более гладкой и сияющей, чем обычно. В голове промелькнула тошнотворная мысль, что меня разобрали и собрали заново, как детский конструктор.

Мы стояли посреди Центрального парка, на прогулочной дорожке, которую я топтала кедами минимум несколько раз в год. Вокруг не было ни души. Похоже, нашего чудесного перемещения никто не заметил – и я никак не могла решить, хорошо это или плохо. Сейчас я была уверена только в одном: Амон – не тот человек, за кого я его принимала все это время.

В отдалении я разглядела эмблему «Гелиоса». Моя рука по-прежнему покоилась на груди Амона. Тот стоял, смежив веки, и солнце окружало его голову сияющим нимбом.

– Амон?..

Он открыл глаза и быстро оглядел меня и наше окружение. В ту же секунду смущение, проступившее было на его лице, сменилось каким-то другим выражением.

– *Mehsehhah efyibehu hawb!* – прорычал парень, воздевая руки в уже знакомом мне жесте отчаяния. Затем он принялся медленно поворачиваться по кругу, что-то бормоча себе под нос на незнакомом языке. Когда он увидел отель, с его губ сорвались еще несколько слов, подозрительно напоминавших отборные ругательства.

Я почувствовала, как закипает внутри ярость. Моя организованная, отлаженная, как часы, жизнь стремительно летела к чертям.

Я была умной. Образованной и воспитанной. Прекрасно чувствовала себя в обществе взрослых.

Я представляла собой воплощение выдержки, такта и благоразумия. Я всегда себя контролировала. Я была Лилианой Джейлин Янг, дочерью своих родителей, и только что едва не потеряла голову от первого встречного – а также сумасшедшего, восхитительного и абсолютно необъяснимого парня.

Амон закончил ревизию окружавших нас елок и, повернувшись ко мне, мрачно заявил:

– Мои силы иссякают, а братья далеко. Нам потребуется помощь.

– Помощь? – то ли вздохнула, то ли всхлипнула я. В следующую секунду гнев, который я так старательно сдерживала, наконец прорвался наружу, и я заорала ему в лицо: – Да ну?! Может, еще Супермена позовем? Хватит с меня этого дерьма!

Я никогда в жизни так не кричала. Если быть совсем честной, до появления в моей жизни Амона я вообще ни на кого не кричала, – но возможность вот так взять и на него наорать неожиданно принесла мне удовлетворение.

Амон уставился на меня точно на душевнобольную.

– Юная Лилия, возьми себя в руки.

– Ну уж нет!

– Нам нужно…

– Ничего нам не нужно! Не знаю, кто ты на самом деле – и какой наркотой меня накачал, – но с меня хватит! Понял? Понял?! Больше никакой помощи!

Я развернулась и зашагала к дому. Этот простой жест странным образом помог мне восстановить самообладание. С каждым разделявшим нас шагом мысли приходили в порядок, а растрепанные нервы успокаивались. Я поправила лямку рюкзака и мысленно взмолилась, чтобы Амону не пришло в голову за мной увязаться.

Завидев меня, несколько прохожих описали широкий круг. Их можно было понять: кому захочется столкнуться с девушкой, которая на всех парах несется мимо, что-то бормоча про умирающих психов-гипнотизеров? Разумеется, я могла найти объяснение произошедшему. Разумеется. Вот только для этого мне пришлось бы позаимствовать парочку терминов из «Звездного пути».

Я пыталась разобраться в случившемся, сложить все части мозаики и с облегчением спрятать ее в коробку. Но то, что сотворил Амон, просто не укладывалось в рамки здравого смысла. Он словно засунул мне в череп бомбу, тревожно тикающий часовой механизм, который грозил разрушить все, что я знала о себе и о мире. Пожалуй, самым разумным было бы забыть об этом происшествии денька на два и потом обдумать его на свежую голову – потому что сейчас с моей головой явно творилось что-то неладное.

Мне страшно хотелось проверить, преследует ли меня Амон, но я не решалась обернуться. Если он все-таки за мной увязался, я просто начну кричать. В парке всегда толпа народу, кто-нибудь да откликнется.

– Лилия!

Вспомнишь бревно – вот и оно.

– Юная Лилия, немедленно вернись! – позвал Амон, будто я была непослушным щенком.

– Отстань, или я позову на помощь! – крикнула я через плечо, припуская рысцой.

Я услышала, как парень тоже перешел на бег, и уже открыла рот для вопля, когда он звучно приказал:

– Лилия, ты *остановишься*!

Я будто запнулась о невидимую леску. Рюкзак с размаху ударил меня по спине, и я полетела в траву без малейшего представления, а что, собственно, случилось. Проклятая застежка опять щелкнула, и карандаши с яблоками веером рассыпались по земле. Пока я заталкивала их обратно, Амон меня догнал и покровительственно протянул руку. Я демонстративно отвернулась – и тут же услышала знакомый властный голос:

– Лилия, возьми мою руку.

На этот раз я решила сопротивляться до конца – и была наказана приступом боли такой мучительной, будто мне в живот воткнули зазубренный нож. Я судорожно всхлипнула. Теперь у меня не было и тени сомнения, что Амон как-то к этому причастен. Не слушаться его было *больно*. Решимость бороться испарилась, как снег на апрельском солнце. Агония затопила меня с головой, и я из последних сил вскинула дрожащую руку. Амон ухватил меня за ладонь и рывком вздернул на ноги. Я бы сказала, что не могла слова вымолвить от возмущения, но в действительности мои чувства описывались несколько иначе.

– Ты сядешь, и мы поговорим, – не терпящим возражения тоном продолжил парень.

Я сцепила зубы, дерзко сделала шаг в сторону – и почти сложилась пополам. Однако теперь меня переполняла не только боль, но и ненависть. Меня буквально колотило от ярости. В ту секунду на всей земле не было человека или вещи, которых я ненавидела бы сильнее, чем Амона. Я никогда прежде такого не испытывала. Никогда в жизни.

– Отпусти меня! – прошипела я сквозь зубы, когда он под руку довел меня до скамейки, будто немощную старушку.

– Нет. И ты не будешь убегать или кричать.

Из глаз брызнули слезы злости, и на этот раз я не стала их сдерживать – хоть и не собиралась давать своему мучителю еще один повод для торжества.

– Чего ты от меня хочешь? Похитить? Изнасиловать?

Амон наклонился и осторожно стер слезу с моей щеки. На лице парня читалось сожаление, которое я почти готова была признать искренним.

– Сядь, – повторил он, а затем добавил изменившимся голосом: – Пожалуйста.

Я безвольно опустилась на скамейку. Амон снял у меня с плеча рюкзак и поставил рядом. Следующие несколько секунд он вышагивал передо мной, по-видимому, не зная, как начать.

– Прости, что мне пришлось применить силу. Я знаю, ты не терпишь принуждения, но…

– Ты ничего обо мне не знаешь, – отрезала я.

Он вздохнул.

– Я узнаю о тебе больше с каждой прошедшей минутой, Юная Лилия. И даже без нашей связи могу сказать, что тебе противна сама мысль о подчинении кому бы то ни было. Но ты должна понять, что я просто не могу тебя отпустить. Не нужно меня бояться. Я не собираюсь причинять тебе вред.

– Не знаю, как ты меня контролируешь, но я буду бороться. Я… я буду ненавидеть тебя всю жизнь.

Я никогда прежде не произносила таких слов, да и сейчас не была уверена, что смогу исполнить свою угрозу. Раньше у меня просто не находилось повода кого-то *ненавидеть*.

Конечно, были люди, которые мне не нравились, – но я спокойно навешивала на них ярлыки «Хронический нищеброд», «Агрессор», «Без чувства собственного достоинства» и убирала на дальнюю полку. Они не затрагивали меня эмоционально. Мне всегда удавалось сохранить надлежащую дистанцию и удержать чувства в узде – но Амон был другим. Парень, которого я так неосмотрительно взяла под крыло, отплатил мне самой черной неблагодарностью. Эта мысль задевала сильнее, чем можно было предположить.

Услышав мою угрозу, Амон словно окаменел.

– Хорошо. Ненавидь меня. Борись. Сопротивляйся при всякой возможности – только ничего хорошего из этого не выйдет. Ты просто причинишь себе еще больше боли. Я уже сказал, Лилия: мы с тобой связаны, и ты будешь оставаться рядом, пока я этого хочу.

Я почувствовала, как гнев и негодование переплавляются во что-то другое, и, задрожав всем телом, опустила голову. По правде говоря, сейчас я ощущала себя собачонкой, которую отшлепал хозяин.

– Вот как ты отблагодарил меня за помощь.

Амон пожал плечами, будто ему не было дела до моих слов – но я видела, что они его здорово задели, и это привело меня в еще большее смятение.

– Это необходимо, – наконец ответил он.

– Кому необходимо? Почему ты меня просто не отпустишь? Чего ты хочешь? – И я, громко шмыгнув носом, принялась копаться в рюкзаке в поисках салфеток.

– Я уже сказал. Мне нужно найти братьев.

– И ради этого ты меня так мучаешь? Да у тебя нет сердца!

Ресницы слиплись от слез, и теперь я видела Амона словно в дымке. Почему я плачу? Я же никогда не плакала. Это некрасиво и недостойно. Когда я успела превратиться в такую размазню?

Я шумно высморкалась и, стараясь вернуть самообладание, сердито протерла глаза кулаком.

– Может, у тебя и рака нет?

Амон присел передо мной на корточки, взял свежую салфетку и принялся вытирать мои липкие от слез щеки.

– В прошлые века от моего сердца было не много толку…

Его палец очертил мягкую дугу по моей щеке, и я снова почувствовала странное тепло – как тогда, на веранде. Один долгий миг я позволила себе бездумно наслаждаться этим ощущением, как вдруг спохватилась и напряглась. Амон поспешно отдернул руку, и я поняла, что для него этот жест оказался таким же неожиданным, как и для меня.

Он был проблемой. Нет, не просто проблемой. Врагом. Разве нет? Но было и кое-что еще: он заставлял меня *чувствовать*. И я до сих пор не знала, хорошо это или плохо.

Конечно, я не могла отрицать его привлекательность – но мои чувства к этому парню не исчерпывались физическим влечением. Я никогда не испытывала к мальчикам ничего подобного, и новый опыт оказался пугающим. Не страшным, как в фильмах ужасов, а скорее неуютным. Всю предыдущую жизнь я ощущала себя лодкой, которая стоит в порту на прочном якоре. Амону хватило пары дней, чтобы вытащить этот якорь. Более того, корабельный канат – моя последняя связь с берегом – сейчас тоже лежал у него в ладонях.

Вглядевшись в его лицо, я поняла, что какая-то часть меня – часть, которую я не желала называть и даже признавать ее существование, – отчаянно жаждет нового прикосновения этих солнечных пальцев. Эмоции, которые он во мне пробуждал, вызывали тревогу, но я еще никогда не чувствовала себя такой *живой*. Настоящей девушкой, а не фарфоровой куклой, в которую меня пытались превратить родители.

Похоже, Амон обладал странным свойством поселять в моей душе смятение – и одновременно избавлять от него. Его компания воодушевляла и пугала, наделяла пьянящим чувством всемогущества и заставляла чувствовать себя бесконечно слабой. И это не говоря о том, что рядом с ним я поминутно боялась сойти с ума – и к тому же испытывала мучительное чувство вины непонятно перед кем.

– Мне не нравятся твои фокусы, – сказала я тихо, но твердо. – Когда ты говоришь таким голосом, тело будто перестает мне подчиняться.

– Прости. Будь моя воля, я никогда бы не прибегнул к своей власти. Но мне нужно, чтобы ты оставалась рядом. Мне нужна ты. Ты даже не представляешь, насколько, – и он, взяв меня за руки, принялся осторожно массировать мои запястья. – Поверь, я никогда не хотел причинять тебе боль или доставлять неудобства. Хотя бы в это ты можешь поверить?

Одно долгое мгновение я молча вглядывалась в ореховые колодцы его глаз. Амон был для меня головоломкой, сложносочиненным пазлом, в котором я не понимала добрую половину деталей. Но я каким-то шестым чувством знала, что он не лжет.

– Ладно, – нехотя ответила я. – Я тебе верю.

– Хорошо, – кивнул парень. – Что такое рак?

– Заболевание клеток. Как ты мог о нем не слышать?

Он вздохнул.

– Слишком много вопросов.

Я откинулась на спинку скамейки и с нарочитым равнодушием пожала плечами.

– Зачем ты так делаешь? – спросил Амон.

– Делаю что?

– Прячешься так глубоко… внутри себя.

– Не понимаю, о чем ты.

Несколько секунд Амон внимательно изучал мое лицо.

– У меня не было намерения тебя обидеть, – сказал он наконец. – Если хочешь, задавай вопросы. Может, я отвечу на твои, а потом кое о чем расспрошу тебя сам?

Я заколебалась, но в итоге кивнула.

– Для начала, я многого не понимаю в твоем мире, но одно знаю наверняка: мое тело и разум не поражены никакими болезнями.

Я истерически рассмеялась – и вдруг расплакалась до икоты. Это было уже слишком. Голова кружилась, будто я не спала неделю. Я схватила из пачки одну салфетку, потом другую, третью… И тут же услышала над ухом настойчивое:

– Лилия, возьми меня за руку.

Я с подозрением покосилась на раскрытую ладонь Амона и громко шмыгнула носом.

– Пожалуйста, Лилия. Я могу принести твоей душе мир.

Почувствовав, что это не приказ и непослушание не обернется очередным приступом агонии, я неожиданно смирилась и взяла его за руку.

– Прими мою силу, – предложил Амон. – И постарайся найти равновесие.

Пытаясь сосредоточиться, я глубоко вздохнула – и почти сразу ощутила, как незримая нить между нами натянулась струной. Но сейчас не Амон забирал мои силы, а наоборот. Я почувствовала, как в меня медленно перетекает солнечный свет. Он успокаивал нервы и разглаживал спутанные мысли. Смятение, гнев, обида – все это внезапно стало неважным. Еще несколько секунд назад я захлебывалась слезами злости, а теперь будто опустилась на самое дно своего внутреннего моря, где царили тишина и бесконечный покой.

– Кто ты? – прошептала я. Сомкнутые ресницы Амона затрепетали, и темно-зеленые глаза с золотым ободком заглянули мне прямо в душу. – Ты так на меня смотришь… Будто хорошо знаешь.

– Да.

– Нет, я имею в виду… Будто знаешь обо мне все.

– Не все.

– Но ты можешь как-то… Меня читать?

Амон кивнул.

– Такова наша связь, Лилия.

– Ты не тот, за кого я тебя принимаю, да?

– Я больше. А может быть, меньше.

Я вздохнула. Час от часу не легче.

– Ладно. Тогда вернемся к началу и сделаем все как положено, – я протянула ему руку, и он с улыбкой пожал ее. – Меня зовут Лилиана, а тебя, надо понимать, Амон. Итак, Амон, откуда ты приехал?

Тот взглянул на меня с удивлением, но потом пожал плечами.

– Я из Египта.

– Ты там родился?

– Да. Много лет назад.

– А как ты оказался здесь?

Амон пересел в траву у моих ног.

– Я не уверен. Но раз мой саркофаг стоял в Обители Муз, наверное, меня привезли туда в нем. С какой целью, мне неизвестно.

– Твой саркофаг?

– Да.

– Не понимаю. У тебя есть саркофаг? Ты музейный куратор? Что это за музеи, где учат гипнозу?

Амон рассмеялся.

– Надеюсь, если я отвечу на все эти вопросы, то буду вознагражден хоть толикой твоего доверия, – и он, растопырив пятерню, принялся загибать пальцы. – Я не знаю, кто такой «куратор». Моя сила – дар солнечного бога Амона-Ра и его сына Гора. И я считаю этот саркофаг своим, потому что спал в нем много веков.

Следующие несколько секунд мы играли в гляделки. Наконец я задала мучивший меня вопрос, сама не веря, что произношу эти слова:

– Ты хочешь сказать, что ты… мумия?

– Мумия, – он повторил слово, старательно артикулируя, будто пробовал его на вкус. – Каждое тысячелетие, когда я пробуждаюсь в этом мире, мое тело освобождается от покровов Анубиса. Ты говоришь об этом?

Я выпрямилась, внезапно почувствовав себя очень неуютно.

– Мумификация означает, что труп с головы до ног обертывают лентами, кладут в саркофаг и прячут в пирамиде или храме.

– Тогда да. Я мумия.

– Но ты не кажешься мертвым, – заметила я, когда ко мне вернулся дар речи.

– Я не мертв, – ответил Амон и после секундного колебания добавил: – По крайней мере, сейчас.

Я тут же вспомнила, как забрела в египетское крыло и обнаружила крышку саркофага сдвинутой.

– Клянешься, что не врешь?

– Клянусь сердцем своей возлюбленной матери, что ты не услышала из моих уст ни слова лжи.

Когда Амон недавно спросил, верю ли я ему, я кивнула совершенно искренне. Он не был похож на лжеца. Во всяком случае, он явно верил в то, что говорил – даже если его слова и не были абсолютной правдой.

Решив проверить его «легенду», я прибегла к методике киношных копов – подалась вперед, грозно сузила глаза и принялась бомбардировать парня вопросами:

– Как звали твоих родителей?

– Царь Геру и царица Омороза.

– Любимая игрушка в детстве?

– Деревянная лошадка.

– Любимая еда?

– Мед и финики из моей страны и круглые сладкие лепешки из твоей.

– Хм… – Что ж, по крайней мере, ему понравились блинчики. – Любимая музыка?

– Систра, арфа и лютня.

– Если ты и в самом деле мумия, где твои покровы?

– Сейчас мое тело в них не нуждается. Я восстал, как делаю каждую тысячу лет.

Я заморгала, обдумывая это утверждение.

– Но я не видела обрывков на выставке. Куда они пропали?

– Когда настает время пробудиться, я уничтожаю их своей силой. Иначе мне было бы трудно двигаться.

Я фыркнула.

– Надо думать… О’кей, как ты так быстро выучил английский?

– Чары.

Я недоуменно уставилась на Амона, и он добавил:

– Сперва я не понимал твоего языка. Помнишь, как мы объяснялись жестами в Обители Муз?

Я кивнула.

– Я прочел заклинание из Книги Мертвых и связал наши сознания так, чтобы мы понимали друг друга.

– Значит, ты сможешь понять любого человека из любой страны?

– Если понадобится, да.

– Почему ты выбрал меня?

Несколько мгновений он молчал. Затем сорвал пригоршню травы и медленно ссыпал между пальцами.

– Потому что ты была там, – наконец ответил он, не поднимая глаз.

Я откинулась на спинку скамейки и скрестила руки на груди. С каждым его ответом мой скептицизм рос и ширился.

– Ты можешь мне что-нибудь показать? – и я описала ладонью замысловатую дугу. – Ну, что-нибудь волшебное?

– А то, что я перенес тебя из дома сюда, не доказывает мои способности?

– Ну, может, ты меня загипнотизировал, и я дошла своими ногами, просто не помню. Покажи что-нибудь, что меня убедит.

– И что тебя убедит?

– Не знаю. Десять казней египетских? Восстание армии мертвецов? Воскрешение твоей давно усопшей любви?

Амон нахмурился.

– Зачем мне это делать?

Я пожала плечами.

– Мумии в кино обычно так и делают.

– Что такое «кино»?

– Ну, представление. Вроде спектакля.

– Гм. Мне бы не хотелось насылать на твой город… казни. Чтобы поднять армию мертвецов, мне понадобится источник бесконечной силы, которого у меня сейчас нет. И я никогда не любил ни одну женщину.

– Серьезно? Значит, тебя нигде не ждет подружка-мумия?

Амон склонил голову набок.

– Меня ожидают братья, но больше никто. У меня нет друзей женского пола.

– Хм. Интересно. – Я мысленно пометила эту информацию ярлыком и до поры до времени убрала на полку. – Ладно, тогда давай что-нибудь другое.

– Мне нужно беречь силы, – ответил Амон после краткого размышления. – Так что я сделаю что-нибудь маленькое.

– Идет.

И я, подавшись вперед, хищно уставилась на Амона, который поднял руки и сложил их в молитвенном жесте. Ничего не произошло. Парень закрыл глаза, наморщил лоб и медленно развел руки в стороны.

Между ними горел огонек.

Не успела я удивиться этому чуду, как в ладонях Амона начал закручиваться миниатюрный песчаный вихрь. Я инстинктивно прищурилась: отдельные песчинки, долетая до меня, кололи лицо и запутывались в волосах. Затем песок начал сгущаться, приобретая очертания сфинкса со сложенными крыльями.

В следующую секунду на холме появился бегун. Я пулей слетела со скамейки и схватила Амона за руки. Чудесный свет погас, и сфинкс осыпался на землю безжизненной серой струйкой.

– Я тебе верю, – прошептала я.

Наши лица внезапно оказались ближе, чем когда бы то ни было, а притяжение стало почти невыносимым. Мой взгляд предательски соскользнул с глаз Амона на его губы, и я снова залилась краской. Парень не отстранился и даже не шевельнулся, но я знала, что он тоже чувствует тепло, внезапно разлившееся в воздухе между нами.

Еще пара сантиметров, и мы бы поцеловались. Я осознала, что и правда хочу ощутить вкус и упругость его губ, и с запоздалой тревогой задумалась, мое ли это желание – или снова внушенное извне.

Рациональная часть меня недоумевала, как я с такой легкостью смогла перейти от абсолютной ненависти – или, по крайней мере, чего-то очень на нее похожего – к почти флирту. И с кем? С древней мумией, обладающей паранормальными способностями!

Нет, я точно сбрендила.

Я медленно отстранилась, и прохладный ветер наконец остудил мои щеки.

– Амон, – очень серьезно начала я, прокашлявшись. – Какой бы силой ты ни обладал – пожалуйста, пообещай, что не будешь показывать ее никому, кроме меня и своих братьев.

– Почему? – удивился он, потирая мои запястья. Наверное, это должно было меня успокоить, но по венам будто побежали разряды тока. Я мягко высвободила руки, боясь обидеть Амона этим жестом, однако он ничуть не расстроился – просто с любопытством на меня взглянул.

Я дождалась, пока бегун скроется за деревьями, и только тогда ответила:

– Потому что это опасно. Помнишь, как ты чудесно исцелился после аварии и потом разве что не раскланивался на публику? Надо быть осторожнее. Постарайся не выделяться. Иначе люди подумают, что ты псих или наркоман, и отправят за решетку. Или вообще сдадут на опыты в Зону 51[5], – на лице Амона отразилась растерянность, и я быстро добавила: – Потом объясню. Если честно, у меня еще миллион вопросов, но это неважно. Главное, что я тебе верю. Верю, что ты тот, за кого себя выдаешь.

Амон медленно кивнул.

– Хорошо.

– А теперь объясни, зачем я тебе понадобилась.

– Как я уже сказал, мне пришлось позаимствовать твою жизненную силу. Без нее я погибну, не успев выполнить задачу.

– Какую задачу?

– Пробудить братьев и провести церемонию. Прежде чем солнце, луна и звезды выстроятся в ряд, нам нужно заточить темного бога Сета еще на тысячу лет.

– Гм. Это надо обдумать, – я вытащила из рюкзака блокнот и принялась скрипеть карандашом. – Тысяч лет… солнце… луна… звезды… Темный бог Сет. Ладно, про него ты мне расскажешь позже. Выходит, твои братья – тоже мумии?

– Да.

– Ты понимаешь, что сейчас мы очень далеко от Фив?

– Насколько далеко?

– Сейчас скажу, – я достала смартфон и принялась щелкать кнопками. – До Египта отсюда… Пять тысяч шестьсот миль. Даже больше.

– Что такое миля? – поинтересовался Амон, с любопытством следя за экраном.

– Парень, да ты с луны свалился. Какие единицы измерения были у вас в Египте?

Амон взял меня за руку, и сердце тут же пропустило удар.

– Что ты делаешь?

– Показываю наши единицы измерения, – он с улыбкой провел пальцем по моей линии жизни. – Это – теб, ширина пальца. Это – шесп, ширина ладони. Семь ладоней составляют царский локоть…

Амон приставил ребро своей ладони к моему, и я почувствовала, как снова запылали щеки. Не дожидаясь, пока он решит продемонстрировать следующую меру длины еще на какой-нибудь части моего тела, я быстро защелкала кнопками калькулятора.

– Если в миле три тысячи пятьсот двадцать локтей… То до Фив их примерно девятнадцать миллионов и семьсот двенадцать тысяч.

Амон раскрыл рот от удивления.

– Это же почти тысяча атуров!

– И ты еще учитывай, что нас разделяет не только земля, но и океан. Ты знаешь, что такое океан?

Амон кивнул.

– Я видел великие моря, питающие Нил.

---

[5] Военная база на юге штата Невада, США. Согласно официальным данным, в Зоне 51 разрабатываются экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения. Секретность базы, само существование которой правительство признало с большой неохотой, сделала ее предметом многочисленных теорий заговора, в особенности о неопознанных летающих объектах.

– Поверь, все они покажутся тебе лужами по сравнению с океаном.

– У меня не было возможности как следует изучить мир, – тихо ответил парень, понурившись.

Искренняя печаль, проступившая на лице Амона, тронула меня до глубины души. Внезапно я поняла, что скучаю по его обычной солнечной улыбке.

– Амон? – я коснулась его руки и подсунула телефон парню почти под нос. – Смотри, это наша Земля, – на экране появился парящий в космосе бело-голубой шарик. – Сейчас мы находимся на материке под названием Северная Америка. А Египет… – я покрутила глобус пальцем и увеличила картинку, чтобы ему стали видны очертания страны, – в Африке. Далеко же тебя занесло от Канзаса, Дороти!

– Что это за волшебная шкатулка?

– Ну… Это называется «телефон». Если установить на него специальные приложения, он может не только звонить и писать эсэмэски, но и работать компьютером.

– Не понимаю.

– При помощи этой штуки я могу узнать ответ почти на любой вопрос.

– Как у оракула?

– Вроде того.

– Чем ты заслужила такой подарок богов? Ты поразила чудовище в битве?

– Э-э, не совсем. По правде говоря, здесь у каждого есть телефон.

– Можно взглянуть? – Я вручила ему мобильный, и парень принялся водить пальцем по карте, восхищенно наблюдая, как меняется масштаб. – Мы и в самом деле на другом конце света…

– Точно. И не забывай, что твои братья могут оказаться далеко не в Египте. Египетские выставки популярны в Китае, Франции, Великобритании… Да по всему миру!

Амон растерянно провел ладонью по бритой голове.

– Вот почему мое заклинание не сработало, – он поднял на меня задумчивый взгляд. – Чары не могут перенести нас через большую воду. При встрече с ней песок тяжелеет. Мы могли бы оказаться в бездонном океане.

Я судорожно сглотнула.

– Ну, чисто технически океан не бездонный, но суть я уловила.

Закончив крутить глобус, Амон начал нажимать все кнопки подряд, изучая различные приложения. Я поразилась, с какой легкостью доисторическая мумия освоила технологию двадцать первого века.

– Ты права, – заявил он наконец. – Океан слишком большой. Но если мы доберемся до Египта, я смогу попросить о помощи Анубиса.

– А ты не можешь попросить его отсюда?

– Нет. Ритуал должен быть проведен в определенном месте.

– Ясно.

Я испытала облегчение при мысли, что в скором времени лишусь общества этого потрясающего, невозможного во всех отношениях парня, – но одновременно почувствовала странную печаль. В конце концов, не каждой девчонке выпадает шанс замутить с египетским принцем.

Я так увлеклась своими размышлениями, что не сразу заметила, с каким ожиданием смотрит на меня Амон. Я закусила губу – и вдруг поняла, чего он хочет. Свидание еще не окончено.

– Гм… Слушай, я не рассчитывала на такое дальнее путешествие. Мне не разрешат родители. Я и сейчас гуляю с тобой только потому, что каникулы. Но в следующий понедельник мне нужно будет вернуться в школу. Может, ты найдешь в аэропорту какого-нибудь парня, который тоже летит в Египет, и ненадолго позаимствуешь его жизненную силу? А

там быстренько метнешься к братьям, воскресишь их, проведешь церемонию – и умоешь руки. То есть отряхнешь от песка.

– Что такое аэропорт? – только и спросил он.

– Место, где стоят крылатые колесницы, летающие по небу. Они могут перелететь даже через океан.

Амон вскочил на ноги.

– Прекрасно. Тогда мы полетим на такой в Египет.

– Эй, подожди секундочку! – запротестовала я, когда он вздернул меня на ноги. – Что случится с нашей связью, когда ты уедешь?

Амон закинул мой рюкзак на плечо и решительно взял меня за руку.

– Я могу установить такую связь только с одним человеком, Лилия. – Должно быть, у меня на лице отразилась чрезвычайно бурная гамма эмоций, потому что он быстро добавил: – Но не волнуйся. Как только я завершу церемонию, нужда в ней исчезнет. К тому моменту я войду в полную силу и смогу обратить время вспять, так что ты вернешься домой в эту же самую минуту. Твоего исчезновения никто не заметит. Родители даже не узнают, что ты выходила из комнаты.

И Амон с энтузиазмом потащил меня по тропинке. Я почему-то не разделяла его восторгов.

– Погоди-ка! А что, если этого места – ну, где нужно взывать к Анубису – больше не существует? Видишь ли, Египет весьма популярен у археологов. Особенно последнюю тысячу лет. И могилы они, гм, тоже раскапывали, – добавила я на тот случай, если Амон не поймет слово «археолог». – Слишком рискованно! К тому же останки твоих братьев могут быть где угодно. И раз уж мы о них заговорили, почему воскрешать их надо именно тебе? Почему они не могут проснуться сами? Ты же…

– Лилия, – и Амон, резко затормозив, сжал мои плечи. По телу тут же разлилась блаженная немота, словно я забралась в горячую ванну, а все сомнения показались мелкими и незначительными. Интересно, Амон сделал так специально? Или это было естественное свойство нашей связи? – Я обязательно отвечу на все твои вопросы, но мне нужно завершить церемонию, прежде чем над храмами Гизы поднимется полная луна. Надеюсь, они еще стоят?

– Ты имеешь в виду пирамиды? Да, но…

– Тогда нам нужно добраться до них как можно скорее.

– Но до полнолуния максимум месяц!

– Боюсь, времени еще меньше. – Амон бросил быстрый взгляд на небо. – По моим подсчетам, у нас около недели.

И он, снова схватив меня за руку, на всех парах направился к воротам парка.

Не прошло и минуты, как мы оказались в кольце людей, оглушенные гудками и фырканьем машин. Если я собиралась сбежать, сейчас было самое время. Вот только мне почему-то расхотелось это делать.

Да, я с трудом себя контролировала. Да, Амон использовал меня вместо батарейки. Да, он был древнеегипетской мумией. Вот только последние двадцать четыре часа я чувствовала себя настолько живой, какой не была все предыдущие семнадцать лет.

Заметив у ворот запряженную лошадьми карету, Амон улыбнулся и вскинул брови.

– Прости, Спартак, они ездят только по парку, – задыхаясь, объяснила я.

– Это к лучшему. В жизни не видел таких жирных лошадей. Думаю, я и на своих двоих их обгоню.

– Эй! – возмутился извозчик, до которого долетели последние слова парня.

Не обратив на него никакого внимания, Амон выскочил за ворота и решительно направился к ближайшему такси, хотя плашка на крыше не горела.

– Остановись, золотая колесница! – приказал он, властно вскинув руку.

Затем он наклонился к окошку со стороны водительского сиденья и принялся о чем-то беседовать с таксистом, хотя ему со всех сторон сигналили и показывали непристойные жесты. Наконец Амон выпрямился и жестом показал, что вопрос улажен.

Таксист, как оглашенный, выскочил из машины и распахнул передо мной пассажирскую дверцу.

– Прошу вас, мисс. Домчу в аэропорт в два счета!

Я замешкалась на тротуаре, и Амон протянул мне руку. Парень вглядывался в меня с таким напряжением, что я невольно задалась вопросом, а не читает ли он мои мысли.

– Ты со мной поедешь?

Не «ты поедешь со мной», не «садись и поехали». *Ты со мной поедешь?*

Амон предлагал мне выбор. Возможно, иллюзорный – но я оценила сам жест. Теперь у меня были если и не все факты, то хотя бы достаточно сведений, чтобы принять осознанное решение. Я не сомневалась, что у Амона хватит сил заткнуть мне рот и просто запихнуть в машину, но я была благодарна ему за вопрос. За драгоценный вкус свободного выбора.

Я всегда знала, что я трусиха – обласканная судьбой бесхребетная трусиха, которая пряталась от мира сперва в загородном особняке, а потом в пентхаусе роскошного отеля. Я целыми днями подстраивалась под людей, которые мне не нравились, и при этом воображала себя такой же свободной, как карандашные персонажи моих набросков.

И теперь, глядя в глаза Амона, я была в ужасе. Не потому что услуга, о которой он просил, выходила далеко за границы моей зоны комфорта. А потому что это приключение казалось моим первым и последним шансом вырваться из замкнутого круга. Выбрать другой путь. Стать другим человеком. Я слишком отчетливо представляла свою жизнь на добрые пять лет вперед.

Внезапно меня охватила отчаянная решимость. Я не знала, постарался ли для этого Амон – или в голове наконец щелкнул нужный тумблер, – но теперь я и в самом деле хотела поехать в Египет. Шагнуть в бездну. Ухватить шанс за хвост, каким бы сумасшедшим он ни казался, и выжать из него все возможное.

Я накрыла руку Амона своей дрожащей ладонью.

– Ладно.

В ту же секунду меня наполнило чувство гордости, что я все-таки нашла в себе мужество сказать «да», – и я торопливо нырнула в машину, пока не успела передумать.

Амон одарил меня лучезарной улыбкой и, склонившись к самому уху, еле слышно прошептал:

– Ты храбрее, чем думаешь. И у тебя в самом деле сердце сфинкса.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась я, освобождая место для парня.

– В моей стране сфинкса обычно изображали мужчиной, но греки считали, что это наполовину женщина, наполовину львица. Думаю, правы были греки. Видишь ли, львица умна и храбра. На охоте она рискует жизнью, чтобы добыть пропитание для своих детенышей. Каждый зверь, которого она выслеживает, может стать для нее смертельным врагом – но она не оставляет охоту, помня о тех, кто от нее зависит. Обладать сердцем сфинкса значит обладать сердцем львицы. Но сфинкс – еще и защитница. Расправляя крылья, она вздымает великий ветер, который отгоняет зло.

– Значит, сфинксы тоже существуют? Я хочу сказать, если Анубис и мумии реальны, почему бы не быть и сфинксам?

Амон в задумчивости потер подбородок.

– Я не встречал ни одного. Но среди воинов ходят легенды, что храбрая женщина, отличившаяся в битве, может быть удостоена духа сфинкса.

– Ясненько. Ну, думаю, мне это не грозит – с драками у меня всегда было плохо. Да и хвост мне не пойдет.

Амон смерил меня оценивающим взглядом, будто всерьез рассматривал такую возможность.

– Что? – смутилась я.

– Ничего, – ответил он, сверкнув белозубой ухмылкой.

Я не удержалась и пихнула его локтем.

– Прекрати. И прекрати читать мои мысли!

– Поверь, я стараюсь изо всех сил, но твои чувства подобны огромной приливной волне. Я хотел бы от них укрыться, да не могу.

Я покосилась на зеркало заднего вида, гадая, какими психами считает нас водитель. Однако не похоже было, что он подслушивает. Честно говоря, на лице у него читалась… эйфория?

– Что ты с ним сделал? – шепнула я Амону. – Заколдовал?

– Всего лишь изменил для него наши образы, – прошептал Амон в ответ.

– В каком смысле?

– Ему кажется, что сейчас он везет двух самых уважаемых им людей.

* * *

Когда мы прибыли в аэропорт имени Кеннеди, я вытащила бумажник, чтобы расплатиться, но шофер ответил бурей негодования. Подавая мне рюкзак, он чуть ли его не облобызал, а потом долго тряс руку Амону. В итоге он не успокоился, пока не всучил нам визитку, заверил Амона в своей вечной преданности и взял с него обещание непременно позвонить, когда снова будет в Нью-Йорке.

Я дождалась, пока такси выедет со стоянки, и только тогда дала волю смеху.

– За кого он нас принял?!

– Я не уверен в имени, но, кажется, это какой-то молодой певец с волосами до пояса.

Мысль, что суровый нью-йоркский таксист – тайный поклонник бойзбенда, веселила меня всю дорогу до терминала.

Глава 7. Крылатые колесницы

Стоило нам оказаться в аэропорту, как Амон принялся безостановочно крутить головой – причем на лице у него застыло выражение почти детского восторга. Я могла его понять, хоть и не представляла до конца, каково впервые увидеть огромное здание из стекла и стали, окна в три этажа и орды людей, снующих туда-сюда с чемоданами и тележками.

– Не высовывайся, ладно? – тихо попросила я. – Я понимаю, что у тебя просто талант привлекать внимание, но держи себя в руках. Здесь повсюду камеры.

Амон недоуменно вскинул бровь, и мне пришлось пояснить:

– Такие штуки, которые рисуют мгновенные картинки с натуры. Примерно как резьба на стенах пирамид, только гораздо точнее. Видишь?

Я быстро сделала селфи и показала ему фотографию. Амон в восхищении провел пальцем по экрану.

Я развернула телефон горизонтально, отошла на пару шагов и сфотографировала Амона – но снимок оказался засвечен.

– Постой на месте, я попробую снова.

Я выключила вспышку и несколько раз вдавила кнопку спуска, но все фотографии постигла та же участь: задник аэропорта был на месте, а вот вместо Амона на переднем плане красовалась неровная вспышка света.

– Твоя шкатулка не может запечатлеть мой образ. В этом мире я всего лишь ожившая тень.

– Скорее уж ожившая сверхновая, – пробормотала я, листая испорченные снимки.

Тем временем Амон напряженно вглядывался в других путешественников.

– Каким я тебе кажусь, Юная Лилия? – неожиданно спросил он.

– Не знаю. В смысле, мне трудно подобрать тебе определение. Египетский бог? Мумия? Человек? Призрак? То есть я подозреваю, что ты бессмертен, но для полноценного досье этого маловато.

– Нет. Я хотел спросить, что не так с моей внешностью?

– Гм… Да вроде все так.

По крайней мере, моих одноклассниц все точно устроило бы.

Амон нахмурился.

– А в этом… аэропорту есть покои для омовения?

– Ты хочешь принять ванну? – растерялась я.

– Нет.

– О, – до меня наконец дошло. – Да, конечно, здесь есть уборные.

– Но мне не нужно ничего убрать…

– Нет-нет, это просто название, – я огляделась и заметила неподалеку нужный значок. – Видишь того парня? Он как раз идет в мужскую уборную.

– Ты подождешь меня здесь?

– Конечно.

Проводив Амона взглядом, я пару секунд бесцельно топталась на месте. Затем мне в голову пришла новая идея. Поддавшись порыву, я направилась к киоску, в котором торговали всякой мелочовкой, и приобрела пару берушей. Амона наверняка повеселит это изобретение двадцать первого века.

Мне как раз пробивали чек, когда в желудке завязался уже знакомый узел – будто там скрывался невидимый якорь, и теперь за него настойчиво дергали. Я поспешно вернулась в зал ожидания, но наши места уже заняли, а Амона нигде не было видно. Я нервно завела за ухо прядь и принялась оглядываться по сторонам.

Внезапно тянущее ощущение пропало. Я знала, что оно как-то вызвано Амоном, и его резкое исчезновение меня насторожило. Однако не успела я разволноваться, как кто-то тихо окликнул меня по имени.

– Амон?! Что… что ты сделал?

От мешковатых штанов и ветровки не осталось и следа. Я быстро оглянулась по сторонам и поняла, где он взял новую одежду. Из мужской уборной друг за другом вышли трое парней, на которых красовалась какая-либо деталь отцовского гардероба. Все трое пошатывались и обводили зал ожидания пустыми взглядами, а один меланхолично теребил бывшую папину футболку.

Однако тот факт, что Амон каким-то чудом уговорил их поменяться одеждой, совершенно мерк перед его новой прической. Точнее, ее принципиальным наличием. К ослепительной улыбке и сияющим глазам теперь прилагалась густая шевелюра.

– Это что, парик? – я привстала на цыпочки и с подозрением подергала его за выбившуюся прядь, но та сидела крепко.

– Это мои собственные волосы. Они выглядят правильно?

Правильно? Если до этого Амон выбивал сто баллов из ста, то теперь для оценки его привлекательности мне пришлось бы перейти в другую систему измерения. Может быть, древнеегипетскую? После похода в уборную голову парня украшали темно-каштановые волосы, коротко подстриженные с боков и более длинные на макушке. По правде говоря, их уместнее было бы назвать «гривой» – такой гривой, в которую удобно зарываться пальцами, привстав на носки и покрывая его губы быстрыми жадными поце… Так, Лили, притормози!

– Выглядят неплохо, – наконец кивнула я. – Когда ты успел обзавестись такой шевелюрой?

– Просто ускорил естественный рост.

– А я думала, что ты, гм, лысый.

– Нет. Египетские принцы обривали голову.

– Точно. И зачем ты так… принарядился?

Амон пожал плечами.

– Я заметил, что отличаюсь от других мужчин моего возраста. Я стараюсь во всем следовать твоему примеру, но ты просила не выделяться, а для этого мне нужно стать менее заметным. Кажется, среди юношей этого мира не принято брить головы?

– Да, но…

– Теперь я выгляжу лучше?

– Ты выглядишь потрясающе, – искренне ответила я. Пара прямых темных джинсов, стильно приталенный пуловер, белая рубашка и серые «конверсы» смотрелись на Амоне так, будто он в них и родился.

– А еще у меня новый ремень. Видишь?

Он задрал рубашку, чтобы продемонстрировать свое новое приобретение, но я так и не смогла оторвать взгляд от смуглого рельефного живота.

– Я не соответствую твоим ожиданиям? – растерянно уточнил Амон, опуская рубашку.

Я только отмахнулась.

– Поверь, ты намного превосходишь все мои ожидания, – и я поспешно прокашлялась, осознав, *что* сейчас сказала. Однако парень не выглядел ни смущенным, ни удивленным. – Гм, ладно. Если этот вопрос улажен, может, пойдем поищем ближайшую колесницу до Каира?

Покупка билетов стала отдельным испытанием – правда, не для Амона, а для меня: работница за стойкой чуть не сожрала его взглядом. Ни денег, ни документов с нас почему-то не спросили. Пока мы таким же загадочным образом проходили паспортный контроль и таможню, нам вслед развернулась минимум дюжина дамских голов. Похоже, Амон оказывал

подобный эффект не только на стюардесс, но и на всех представительниц прекрасного пола в радиусе километра.

Он был силен, красив и буквально лучился властью – а в моих глазах еще светом и теплом. Я мимолетно задумалась, был ли он таким с рождения, или это дар египетских богов. Рядом с ним мы казались подсолнухами, которые безвольно поворачиваются вслед солнцу. Эта мысль вызвала у меня раздражение. Как следует покопавшись в своих чувствах, я поняла, что в корне их лежит банальный эгоизм. Мне хотелось, чтобы сияние Амона принадлежало мне одной.

Поднявшись по трапу, парень снова оказался в центре внимания. За первый час полета каждая из четырех бортпроводниц подошла к нам минимум дважды. Наконец я не выдержала и, дождавшись очередного нашествия поклонниц, холодно отчеканила:

– Спасибо, нам *ничего* не надо, – а затем наклонилась к Амону и прошипела ему на ухо: – Лучше бы ты оставался с бритой головой!

Парень отреагировал так, будто в жизни не слышал шутки смешнее. В ответ я сердито вытащила из-под кресла подушку, засунула ее себе за голову и, скрестив руки, закрыла глаза, чтобы хоть так избавиться от нескончаемого зрелища его фанаток.

Все еще хихикая, Амон попросил одеяло у стюардессы, чьи духи, по его недавнему признанию, чрезвычайно напоминали любимые благовония царицы Оморозы, укутал меня им чуть не до носа и мягко сказал:

– Негоже царской лилии ревновать к простым фиалкам.

Я из принципа решила ничего не отвечать – и постепенно задремала, убаюканная мерным гулом турбин.

Глава 8. Отрада глаз

Разбудило меня звяканье чайных ложечек и нестройный хор голосов. Открыв глаза, я увидела через проход грузного мужчину, который с энтузиазмом поглощал самолетный обед. Эта картина наконец вернула меня в реальность. Я потерла глаза ладонями и задумалась, а не могли ли приключения двух последних дней тоже быть сном.

– Прошу прощения, – пропела стюардесса, чуть не впечатав свой необъятный бюст мне в лицо при попытке добраться до Амона. *А нет, это не сон.*

Амон принялся подробно излагать бортпроводнице, что хочет на обед, и я, закатив глаза, постучала ее по плечу.

– Извините, мне надо выйти.

– О конечно!

Оказавшись в уборной, я намочила бумажное полотенце и как следует умыла лицо. Из зеркала на меня взглянула почти незнакомая девушка – дальняя родственница обычной Лилианы Янг. Куда делась царственная осанка, гордо расправленные плечи? Меня словно надломили изнутри. Кожа приобрела болезненный серый оттенок, и, что еще хуже, ее покрывала масляная пленка пота. Обычно глянцевые каштановые пряди свисали безвольными сосульками, будто я неделю пренебрегала душем; макияж безнадежно размазался, а круги под глазами могли поспорить по цвету со вчерашними чайными пакетиками.

Я вытащила из рюкзака косметичку, которую, по счастью, догадалась с собой прихватить, быстро изобразила на лице нечто приличное и собрала волосы в свободный «конский хвост». *Во что ты ввязалась, Лили?* На секунду я осознала весь абсурд своего положения – лететь в Египет в компании ожившей мумии! – и поддалась панике. Помогла фраза «что сделано, то сделано», которую я на разные лады повторила своему отражению не менее десятка раз.

Немного успокоившись, я вернулась в салон – и с удивлением обнаружила, что мое место уже занято какой-то дамой средних лет. Она доверительно наклонилась к Амону и забрасывала его вопросами о Египте. Заметив меня, Амон мягко, но твердо сказал ей:

– Моя Лилия вернулась, и нам пора обедать. Мы могли бы побеседовать позже.

– С удовольствием! – пылко ответила женщина и, одарив его лучезарной улыбкой, вернулась на свое место через проход.

Я нахмурилась и, плюхнувшись в кресло, кое-как затолкала рюкзак под сиденье. Амон тут же принялся застегивать на мне ремень безопасности.

– Капитан сказал, что мы должны быть привязаны все время, пока он не разрешит прогуливаться по колеснице.

Я отвела его руки.

– Да-да. Кстати, с чего ты взял, будто я *твоя* Лилия?

Амон любезно сделал вид, что не расслышал вопроса.

– Ты знаешь, как опустить столик?

– Вообще-то я родилась в *этом* веке.

Казалось, мой сарказм его одновременно развеселил и смутил. Я и сама не знала, отчего вдруг стала такой злючкой. Неужели мои эмоции опять вышли из-под контроля?

Стоило мне закрепить столик, как возле наших кресел нарисовалась стюардесса с тележкой. Удивительно, как она не споткнулась по дороге – учитывая, что смотрела она только на Амона, причем на лице ее застыла блаженно-глуповатая улыбка. Я сузила глаза – и тут же вздрогнула, осознав свои эмоции. Я испытывала к Амону… собственнические чувства.

Я выразительно прочистила горло, и стюардесса, с трудом оторвав взгляд от моего спутника, принялась выгружать тяжелые подносы. Затем она спросила Амона, не желает ли он чего-нибудь еще; он не желал, и она наконец оставила нас в покое.

Перед нами стояло не одно, не два, а целых три блюда.

– Что это? – удивилась я.

– Пир. Наилучший, какой Глория сумела устроить – учитывая обстоятельства.

Развернув фольгу, я обнаружила на подносах вегетарианскую лазанью, жареного цыпленка и мясной салат – и это не считая тарелок с сырной нарезкой и фруктами.

– Десерт она принесет позже, – объяснил Амон и, подняв виноградную гроздь, принялся откусывать ягоды прямо с ветви, словно Дионис на полотне эпохи Возрождения.

Я покачала головой и постаралась сохранить серьезный вид – однако наивное обращение Амона с фруктами просто не могло не вызвать улыбку.

– Это делается не так, – прошептала я и, отщипнув от грозди несколько ягод, положила их себе в рот. Несколько секунд парень сосредоточенно следил за моими губами, так что я последовательно испытала растерянность, замешательство, смущение – и наконец облегчение, когда он переключил внимание на лазанью.

Амон оказался способным учеником. Он старательно копировал все мои движения, когда я орудовала ножом и вилкой, открывала маленькие контейнеры с солью и перцем и поливала салат соусом. Стоило мне накрыть поднос салфеткой, как он отложил приборы и с тревогой провел пальцем по моей щеке – древнеегипетская разновидность рентгена:

– Тебе нездоровится?

– Нет, – я с усилием отвела взгляд от его ореховых глаз. – Просто устала.

– Тогда почему ты не ешь?

Я пожала плечами.

– Мне не нужно столько еды. Я же говорила, помнишь?

– Да.

Амон вернулся было к обеду, но вскоре тоже отодвинул поднос – оставив добрую половину еды на тарелках.

– В одиночку не пируют, – пояснил он в ответ на мое удивление. – Это время празднования и возрождения. Если ты не хочешь разделить со мной трапезу, я тоже к ней не притронусь.

– И что же, позволь спросить, мы празднуем?

– Жизнь, – ответил он просто.

– Не понимаю.

Стюардесса забрала наши не сильно полегчавшие подносы и заново наполнила стаканы. Перепробовав все имеющиеся на борту негазированные напитки, Амон остановил выбор на апельсиновом соке – что вполне вписывалось в его образ солнечного бога. Парень с подозрением наблюдал, как я потягиваю диетический имбирный эль.

– Так что именно ты празднуешь? – напомнила я, отставив стакан.

– Когда я… пробуждаюсь, то испытываю невероятный голод по жизни. Все дни перед церемонией я пирую. Танцую. Окружаю себя… – и он пропустил через пальцы мой «хвостик», – красотой. Наслаждаюсь каждым моментом жизни. Коплю воспоминания, которые смогут согреть меня в последующие годы темноты.

– А куда ты уходишь после церемонии?

Улыбка парня мгновенно погасла.

– Неважно.

– Как скажешь, – нахмурилась я. Было странно смотреть на Амона и не чувствовать его обычного тепла. – Как насчет кино?

– Что такое кино?

– Хочешь узнать, как в нашем веке представляют мумий?

– Давай.

Остаток вечера я провела, знакомя Амона с классикой кинематографа – по крайней мере, той ее частью, которая касалась Древнего Египта. Я начала со старой школы – «Мумии» с Борисом Карлоффом. Единственной реакцией Амона было: «Еще». Тогда я поставила ремейк 1999 года и его продолжение, «Мумия возвращается», 2001-го. Во время просмотра я поймала себя на том, что больше слежу за выражением лица Амона, чем за происходящим на экране.

Вопреки ожиданиям, парень хмурился на юмористических сценах и явно потешался над остальными. Особенно его увлекли костюмы и декорации. В какой-то момент он наклонился ко мне и прошептал: «Я не узнаю этих мест».

Я начала было объяснять, что многие из них смоделированы на компьютере, но Амон только шикнул на меня и снова сосредоточился на сюжете. На третьем фильме я задремала и проснулась, уже когда пошли титры.

– Ну как тебе? – поинтересовалась я, зевая.

Вместо ответа парень сам принялся забрасывать меня вопросами:

– Почему твой народ представляет Египет таким? Я защищаю человечество от тьмы, а меня превратили в какое-то чудовище! Я не демон, Лилия!

Я мягко взяла его за руку.

– Я знаю.

– Так вот почему ты испугалась меня в Обители Муз? Ты решила, что я сожгу твою плоть, высосу душу и нашлю на твой город чуму?

– Гм… Не совсем. Но испугалась я здорово, это правда.

– Раньше нас не боялись, – пробормотал Амон, откидываясь на спинку кресла. – Наше пробуждение приветствовали песнями, надевали венки и вели к пиршественному столу. Нас почитали как богов. Повсюду мы встречали лишь радость и обожание. А теперь нас боятся и считают ожившими трупами. В лучшем случае забвение, в худшем – ненависть. Нас больше не знают. Не ценят. Не любят. Может, нам и в самом деле настала пора обратиться в прах, раствориться во тьме и исчезнуть из людской памяти?

Отчаяние и одиночество Амона накатывали на меня, подобно холодным волнам.

– Амон, – тихо начала я, сжав его руку. – Я знаю, что на этот раз ты проснулся не в лучших условиях, и мой народ не почитает вас с братьями за героев, как следовало бы. Но это не обесценивает того, кто ты есть и что делаешь для мира. Ну да, современные люди о тебе не слышали – зато посмотри, как ты вскружил голову стюардессам! Может, они и не признают в тебе принца, но обращаются, как с отпрыском королевской крови. Ты притягиваешь к себе людей. И знаешь почему? Потому что даже сейчас ты излучаешь свет, которому невозможно противиться.

Слова попали в цель. Я видела, с каким вниманием Амон меня слушает – и как постепенно рассеиваются тягостные мысли, нависшие над ним, точно холодные мокрые тучи. Наконец парень покачал головой и одарил меня немного печальной, но искренней улыбкой.

– Признайся, ты земное воплощение какой-нибудь богини? Человеческая мудрость не сравнится с твоей.

Я фыркнула.

– Еще чего не хватало! Просто я люблю наблюдать за окружающими.

– Но не вмешиваться?

– Как правило, нет. Я стараюсь не становиться частью чужих жизней.

– Почему?

– Это разрушает загадку, которую таят в себе люди.

– А для меня люди – открытая книга. Непросто очароваться человеком, когда все его мысли для тебя как на ладони.

– То есть ты можешь залезть в голову кому угодно? Не только мне?

– Это дар богов. Око Гора.

– Про Гора я знаю, – ответила я, нервно оглядываясь по сторонам. – А вот про его глаз тебе придется меня просветить.

– Не тревожься, Лилия. Почти все вокруг спят, и я могу сделать так, чтобы нас все равно никто не услышал.

– Как тогда с фото?

– Да. Они услышат, что мы говорим, но не смогут понять, о чем, – Амон на секунду закрыл глаза и тут же уставился на меня сияющим взглядом. – Ну вот, готово.

Темный самолет и то обстоятельство, что сейчас мы с Амоном находились в непроницаемом для чужих ушей пузыре, поселили в моей душе тревожное и при этом приятное ощущение.

– Ладно, рассказывай про Гора.

Белозубая улыбка Амона сверкнула в полумраке.

– Разве ты не устала?

– Устала, но хочу послушать про Гора.

– Хорошо, – и Амон на секунду умолк, собираясь с мыслями. – Гор – сын бога Амона-Ра. Иногда его называют Золотым солнцем: в отличие от отца, Солнца полдневного, Гор освещает холмы в самом начале дня. Когда ты видишь, что черта, соединяющая небеса и землю, наливается золотом, это значит, что Гор идет.

– Горизонт, – сообразила я. – *Гор*-изонт!

Амон склонил голову, обдумывая мою догадку.

– Полагаю, в твоем мире он известен под таким именем.

– Расскажи о нем, – попросила я и потянулась к рюкзаку за блокнотом. – Можешь его описать?

– На фресках его часто изображают с головой сокола, но, как и в твоих «кино», это неверное понимание божественной сути. На самом деле у него нет соколиной головы, как у Анубиса нет собачьей. Эти животные – их духи-спутники, – Амон покосился на мой набросок. – Египетских богов обычно рисовали с головами тотемных животных, чтобы их легче было отличить друг от друга.

– Ну да, это логично. Какие у него волосы?

– Не знаю, я его никогда не встречал.

– Гм, ладно. Тогда просто расскажи про глаз. – И я, перелистнув страницу, взяла карандаш на изготовку.

– Гор был сыном Исиды и Осириса…

– Погоди. Ты же сказал, что он сын Амона-Ра?

– Верно.

– У них что, была шведская семья?

– Это долгая история. Возможно, мне лучше начать с Осириса. Когда он взял в жены свою сестру Исиду…

– Сестру?

– Да.

– То есть египетские боги не гнушались инцестом?

– Многие фараоны тоже брали в жены своих сестер.

– Э-э… Ладно, продолжай.

– Осирис был добрым и мудрым царем. Когда ему настала пора жениться, он увидел, что ни одна дева не может сравниться в уме и красоте с его сестрой, богиней Исидой. Она

владела магией луны и сама была нежна и тонка, как лунный луч. Их союз оказался счастливым и вызвал радость у всех, кроме их брата, темного бога Сета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.